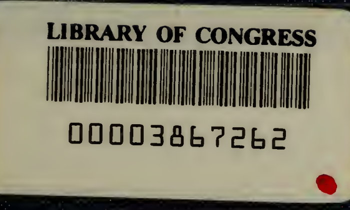
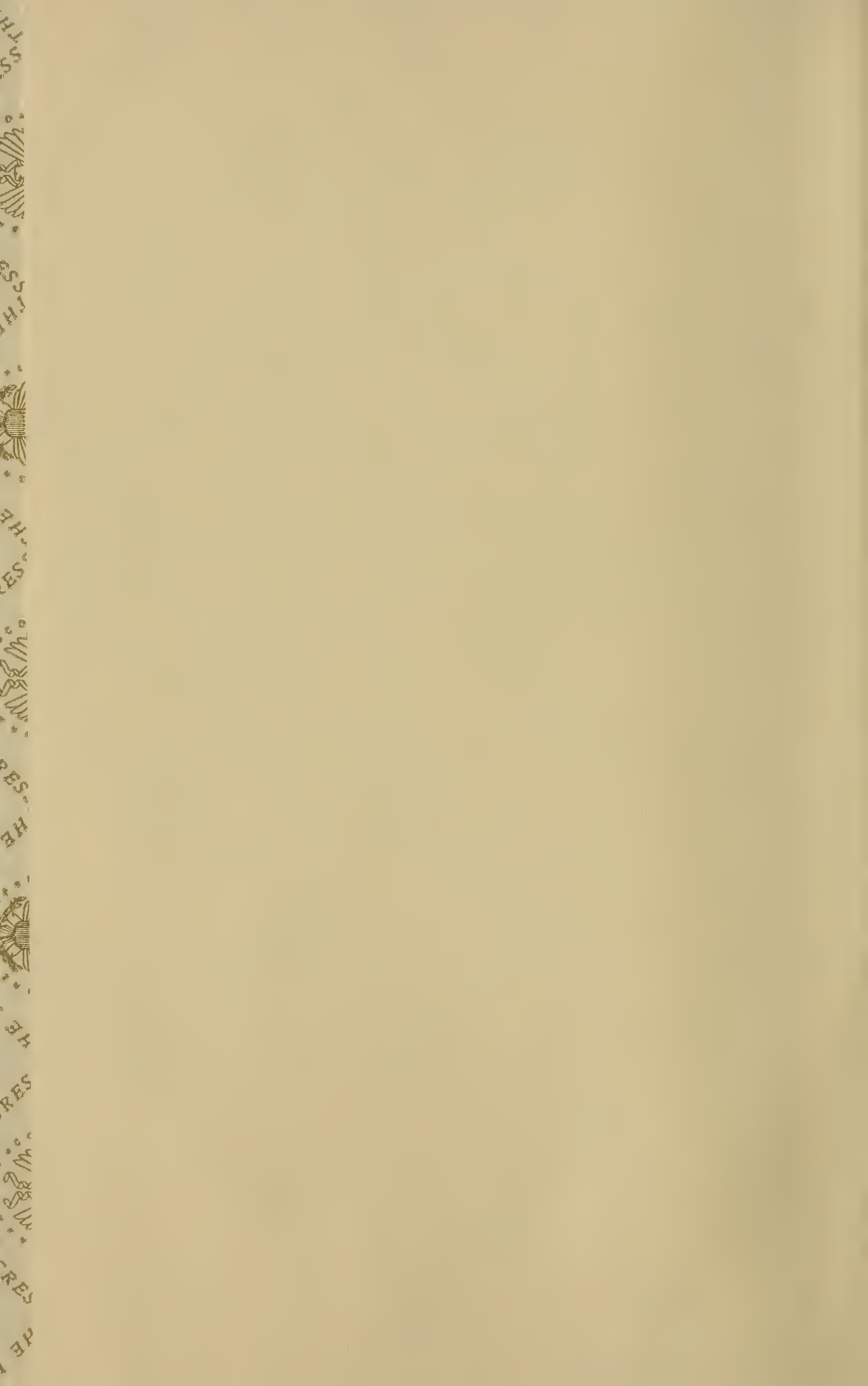

LIBRARY OF CONGRESS
00003867262

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА.

а) *Неизданныя мѣста изъ записокъ И. И. Пущина :**

Какъ быть! надобно приняться за старину. Отъ васъ, любезный другъ, молчкомъ не отдѣлаешься — и то уже совѣстно, что такъ долго откладывалось давнишнее обѣщаніе поговорить съ вами на бумагѣ объ Александрѣ Пушкинѣ, какъ бывало говоривали мы объ немъ при первыхъ нашихъ встрѣчахъ въ домѣ Броникова. Прошу терпѣливо и снисходительно слушать немудрой мой разсказъ.

Собираясь теперь провѣрить былое съ нѣкоторою отчетливостью, я чувствую, что очень поспѣшно и опрометчиво поступилъ, истребивши въ Лицеѣ тогдашній мой дневникъ, который продолжалъ слишкомъ годъ. Тамъ нашлось бы многое, теперь отуманенное; всплыли бы нѣкоторыя завѣтныя мелочи —печать того времени! Не знаю, почему тогда вдругъ мнѣ показалось, что нескромно вынимать изъ тайника сердца заревыя его трепетанія, волненія, заблужденія и вѣрованія. Теперь самому любопытно бы было взглянуть на себя тогдашняго съ тогдашнею обстановкою; но дѣло кончено: тетради въ печкѣ и поправить бѣды невозможно.

Впрочемъ вы не будете тутъ искать исторической точности; прошу смотрѣть безъ излишней взыскательности на мои воспоминанія о человѣкѣ, мнѣ близкомъ съ самаго нашего дѣтства. Я гляжу на Пушкина не какъ литераторъ, а какъ другъ и товарищъ.

* Записки эти были напечатаны въ Атенеѣ 1859 года, No. 8, но съ ценсурными пропусками.

Невольнымъ образомъ въ этомъ разсказѣ замѣшивается и собственная моя личность — прошу не обращать на нее вниманія. Придется, можетъ быть, и объ Лицеѣ сказать словечко — вы это простите, какъ воспоминанія, до сихъ поръ живыя! Однимъ словомъ все сдаю вамъ какъ вылилось на бумагу.*

Къ стр. 508 "Атенея":

Роскошь помѣщенія и содержанія (въ Лицеѣ), сравнительно съ другими, даже съ женскими заведеніями, могла имѣть связь съ мыслію Александра, который, какъ говорили тогда, намѣренъ былъ воспитывать съ нами своихъ братьёвъ, великихъ князей Николая и Михаила, почти нашихъ сверстниковъ по лѣтамъ; но императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась этому, находя слишкомъ демократическимъ и неприличнымъ сближеніе сыновей своихъ, особъ царственныхъ, съ нами — плебеями.

Къ стр. 517.

Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библіотекѣ, у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной; въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни, я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ?.. На другой день (Пушкинъ) встрѣтилъ меня стихами:

От всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;

* Въ текстѣ, напечатаномъ въ Атенеѣ фамиліи замѣнены начальными буквами — на стр. 501—517: Л.—Ломоносовъ, Г.—Гурьевъ, К.—Корниловъ, М.—Малиновскій, Г-дъ—Гауеншильдъ, Т.—Тырновъ, Ф.—Фроловъ, на стр. 518 К.—Карцовъ; на стр. 519—520: К.—Корсаковъ, Г.—Горчаковъ, А. М. К. —Кантакузина, Б.—Бакунина, К-ръ—Кюхельбекеръ, П.—Плюскова, В.—Валуева, и кн. В.—Волконская; на стр. 525: кн. П. М. В.—Волконской К.—Клейнмихель; на стр. 529—530: Ю.—Юсуповъ, З.—Зубковъ, П.—Пещуровъ, А. И. Т.—Тургеневъ; на стр. 535: Р.—Рылѣевъ. На стр. 507 вмѣсто напечатаннаго должно читать: "великій князь Константинъ Павловичъ у окна щекоталъ и щипалъ сестру свою Анну Павловну; потомъ подвелъ ее къ Гурьеву, своему крестнику, и стиснувши ему двумя пальцами обѣ щеки, а третьимъ вздернувши носъ, сказалъ ей: "рекомендую тебѣ эту моську!"

Антипьевна отмѣнно горячилась.
Постой, кричитъ, управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой, о всемъ узнаетъ муженекъ!"
— Тебѣ ль грозить? Марѳушка отвѣчаетъ;
Ванюша что? вѣдь онъ еще дитя!
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчижъ, кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами всякаго, пожалуй, разобидишь...
Въ чужой.... соломенку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна!

Къ стр. 523:

Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію.

Разъ, на зимней нашей прогулкѣ въ саду, гдѣ расчищались кругомъ пруда дорожки, онъ говоритъ Есакову, съ которымъ я часто ходилъ въ парѣ:

И останешься съ вопросомъ
На брегу замерзлыхъ водъ:
Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
Милыхъ Вельо не ведетъ?

...Было еще другаго рода нападеніе на насъ около того же времени. Какъ-то въ разговорѣ съ Энгельгардтомъ, царь предложилъ ему посылать насъ дежурить при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, во время лѣтняго ея пребыванія въ Царскомъ Селѣ, говоря, что это дежурство пріучитъ молодыхъ людей быть развязнѣе въ обращеніи и вообще послужитъ имъ въ пользу. Энгельгардтъ и это отразилъ, доказавъ, что кромѣ многихъ неудобствъ, придворная служба будетъ отвлекать отъ учебныхъ занятій и попрепятствуетъ достиженію цѣли учрежденія лицея. Къ этому онъ прибавилъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ никогда не видалъ каммерпажа ни при прогулкахъ, ни при выѣздахъ царствующей императрицы. Между нами мнѣнія на счетъ этого нововведенія были раздѣлены; иные по суетливости и лѣни желали этой лакейской должности, но дѣло обошлось одними толками, и не знаю — почему изъ

этихъ толковъ о сближеніи со дворомъ выкроилась для насъ верховая ѣзда. Мы стали ходить два раза въ недѣлю въ гусарскій манежъ, гдѣ на лошадяхъ запаснаго эскадрона учились у полковника Кнабенау, подъ главнымъ руководствомъ генерала Левашева... Онъ даже попалъ по этому случаю въ куплеты нашей лицейской пѣсни. Вотъ его куплетъ :

Bonjour, Messieurs!... потише,
Поводьемъ не играй—
Вотъ я тебя потѣшу!
A quand l'équitation?

Къ стр. 526 :

Встрѣча моя съ Пушкинымъ, на новомъ нашемъ поприщѣ, имѣла свою занимательность. Пока онъ гулялъ и отдыхалъ въ Михайловскомъ, я уже успѣлъ поступить въ тайное общество: обстоятельства такъ расположили моей судьбой! Еще въ лицейскомъ мундирѣ, я былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцовъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ лицея, я готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня и товарища моего Вольхавскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генералный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцовъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ.

Эта высокая цѣль жизни, самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей, рѣзко и глубоко проникла душу мою : я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно

должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе. Первая моя мысль была открыться Пушкину; онъ всегда согласно со мной мыслилъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ и изустно, и письменно— стихами и прозой. Не знаю, къ счастію ли его, или несчастію онъ не былъ тогда въ Петербургѣ; а то не ручаюсь, что въ первыхъ порывахъ, по исключительной дружбѣ моей къ нему, я можетъ быть увлекъ бы его съ собою. Впослѣдствіи, когда думалось мнѣ исполнить эту мысль, я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми ненадежными — пугали меня. Къ тому-же въ 1818 году, когда часть гвардіи была въ Москвѣ, по случаю пріѣзда прусскаго короля, столько было опрометчивыхъ дѣйствій одного члена общества, что признали необходимымъ дѣлать выборъ со всею строгостію, и даже нѣсколько лѣтъ спустя объявлено было объ уничтоженіи общества, чтобы тѣмъ удалить неудачно принятыхъ членовъ. На этомъ основаніи, я присоединилъ къ союзу одного Рылѣева, не смотря на то, что всегда былъ окруженъ многими, раздѣляющими со мной мой образъ мыслей. Естественно, что Пушкинъ, увидя меня послѣ первой нашей разлуки, замѣтилъ во мнѣ нѣкоторую перемѣну и началъ подозрѣвать, что я отъ него что-то скрываю. Особенно во время его болѣзни и продолжительнаго выздоровленія, видаясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и распросами, отъ которыхъ я, какъ умѣлъ, отдѣлывался, успокоивая его тѣмъ, что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой цѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его *Деревня*, *Ода на вольность*, *Ура! въ Россію скачетъ* и другія мелочи въ томъ-же духѣ. Не было живаго человѣка, который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить уже о разныхъ его выходкахъ, которыя вездѣ повторялись; напримѣръ: однажды въ Царскомъ Селѣ Захоржевскаго медвѣженокъ сорвался съ цѣпи отъ столба, на

которомъ устроена была его будка, и побѣжалъ въ садъ, гдѣ могъ встрѣтиться глазъ на глазъ въ темной аллеѣ съ императоромъ, еслибъ на этотъ разъ не встрепенулся его маленькой шарло и не предостерегъ бы отъ этой опасной встрѣчи. Медвѣженокъ, разумѣется, тотчасъ былъ истребленъ; а Пушкинъ при этомъ случаѣ необинуясь говорилъ: "нашелся одинъ добрый человѣкъ, да и тотъ медвѣдь!" Такимъ-же образомъ онъ во всеуслышаніе въ театрѣ кричалъ: "теперь самое безопасное время, по Невѣ идетъ лёдъ!"—въ переводѣ: нечего опасаться крѣпости. Конечно, болтовня эта вздоръ; но этотъ вздоръ, похожій нѣсколько на поддразниваніе, переходилъ изъ устъ въ уста и порождалъ разные толки, имѣвшіе дальнѣйшее свое развитіе; слѣдовательно и тутъ даже нѣкоторымъ образомъ достигалась цѣль, которой онъ несознательно содѣйствовалъ.

Между тѣмъ тотъ-же Пушкинъ, либеральный по своимъ воззрѣніямъ, имѣлъ какую-то жалкую привычку измѣнять благородному своему характеру и очень часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра, около Орлова, Чернышева, Киселева и другихъ: они съ покровительственною улыбкою выслушивали его шутки, остроты.....

Къ стр. 527.

Самое сильное нападеніе Пушкина на меня, по поводу общества, было, когда онъ встрѣтился со мной у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ, желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала. Тутъ между прочими были: Куницинъ и нашъ лицейскій товарищъ Масловъ. Мы сидѣли кругомъ большаго стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу, что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ! "Ты что здѣсь дѣлаешь? наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ!" шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали: Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ; подали чай, мы закурили сигарки и сѣли въ уголокъ.

"Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ, что знакомъ съ Николаемъ Иванивичемъ? Вѣрно, это ваше общество въ сборѣ?" — Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ лѣтнемъ саду. "Пожалуйста, не секретничай; право, любезный другъ, это ни на что не похоже!"

Мнѣ и на этотъ разъ легко было безъ большаго обмана доказать ему, что это совсѣмъ не собраніе общества, имъ отыскиваемаго; что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно неожиданно. "Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ, и вѣроятно удивляешься, что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ это очень просто, какъ ссйчасъ самъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Н. Тургеневъ; разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданія въ возможно-свободномъ направленіи (тогда это была преобладающая его мысль); увидѣлъ онъ у меня на столѣ не давно-появившуюся книгу Mme Staël : Considerations sur la revolution française и совѣтовалъ мнѣ попробовать написать что-нибудь объ ней и изъ нея. Тутъ-же пригласилъ меня въ этотъ день вечеромъ быть у него — вотъ я и здѣсь!"

Не знаю настоящимъ образомъ, до какой степени это объясненіе, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина; только вслѣдъ за этимъ у насъ перемѣнился разговоръ — и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ, не долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависѣло принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ тутъ-же невольно являлся вопросъ: почему-же помимо меня никто изъ близко-знакомыхъ ему, старшихъ нашихъ членовъ, не думалъ объ немъ? Значитъ, ихъ останавливало почти тоже, что меня пугало; образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полнаго къ нему довѣрія. Преслѣдуемый мыслію, что у меня есть тайна отъ Пушкина и что, можетъ быть, этимъ самымъ я лишаю общество полезнаго дѣятеля, почти рѣшался броситься къ нему и все высказать, зажмуря глаза на послѣдствія. Въ постоянной этой борьбѣ съ самимъ собою, какъ нарочно

вскорѣ случилось мнѣ встрѣтить Сергѣя Львовича на Невскомъ Проспектѣ.

— Какъ вы Сергѣй Львовичь? что нашъ Александръ?

— Вы когда его видѣли?

— Нѣсколько дней тому назадъ у Тургенева.

— Я замѣтилъ, что Сергѣй Львовичь что-то мраченъ.

— Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно вы не знаете послѣднюю его проказу.

Тутъ разсказалъ мнѣ что-то; право, не помню что̀ именно; да и припоминать не хочется.

— Забудьте этотъ вздоръ, почтенный Сергѣй Львовичь! Вы знаете, что Александру многое можно простить: онъ окупаетъ свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которыхъ нельзя не любить.

Отецъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ свой путь.

Я задумался, — и признаюсь, эта встрѣча, совершенно случайная, произвела свое впечатлѣніе: мысль о принятіи Пушкина исчезла изъ моей головы. Я страдалъ за него, и подъ часъ мнѣ опять казалось, что можетъ быть тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самаго себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ ненормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ; но видно не пришла еще пора кипучей его природѣ угомониться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что созналъ себя не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безъ полнаго убѣжденія, въ дѣлѣ, отвѣтственномъ предъ цѣлію самаго союза.

Послѣ этого мы какъ-то не часто видѣлись: кругъ знакомства нашего былъ совершенно розный.

Къ стр. 528.

"Энгельгардтъ! сказалъ ему государь, Пушкина надобно сослать въ Сибирь: онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами..."

Къ стр. 530.

(Пушкинъ сосланъ въ Псковскую деревню). Не зная ничего положительнаго, приписывали эту ссылку бывшимъ тогда неудовольствіямъ между нимъ и графомъ Воронцовымъ. Были разнообразные слухи и толки; замѣшивали даже въ это дѣло и графиню. Все это нисколько не утѣшало насъ.

Къ стр. 532.

Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего изгнанія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы козням гр. Воронцова *изъ ревности*, думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные частные его разговоры о религіи.

Къ стр. 533.

Среди разговора ex abrupto онъ (Пушкинъ) спросилъ меня: что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и Москвѣ? При этомъ вопросѣ разсказалъ мнѣ, будто бы императоръ Александръ ужасно перепугался, найдя его фамилію въ запискѣ коменданта о пріѣзжихъ въ столицу, и тогда только успокоился, когда убѣдился, что не онъ пріѣхалъ, а братъ его Левушка. На это я ему отвѣтилъ, что онъ совершенно напрасно мечтаетъ о политическомъ своемъ значеніи, что врядъ ли кто нибудь на него смотритъ съ этой точки зрѣнія.

Къ стр. 534.

Незамѣтно коснулись (мы) опять подозрѣній на счетъ общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: "вѣрно все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости, и ничего не могутъ выпытать!" Потомъ, успокоившись, продолжалъ: впрочемъ я не заставляю тебя говорить.

На стр. 535 вмѣсто напечатаннаго читай: Пушкинъ спросилъ рому, до котораго, видно, монахъ былъ охотникъ. Онъ выпилъ два стакана чаю, не забывая о ромѣ...

Къ стр. 537.

Сцена перемѣнилась. Я осужденъ. 1828 года, 5 Января, привезли меня изъ Шлюссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился наконецъ съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Что сдѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по различнымъ мытарствамъ, я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу, призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстной рукой написано было:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный, и проч.

Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи. Увы! я не могъ даже пожать руку той женщины, которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаньемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго внѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ; а Пушкину вѣрно тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго передъ самимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мной и рада, что могла наконецъ исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ въ 1839 году, я послалъ эти стихи къ Плетневу,—такимъ образомъ они были напечатаны; а въ 1842, братъ мой Михаилъ, отыскалъ въ Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня, въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ.

Въ своеобразной нашей тюрьмѣ, я слѣдилъ съ любовію, за постояннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина; мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, умѣвшаго найти меня и за Бай-

каломъ, я не разъ имѣлъ объ немъ нѣкоторыя свѣденія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи: 19 Октября 1827 года.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ счастьи, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ,
И въ темныхъ пропастяхъ земли!

И въ эту годовщину, въ кругу товарищей — друзей, Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходкѣ.

Впослѣдствіи узналъ я объ его женитьбѣ и камеръ-юнкерствѣ: и то, и другое какъ-то худо укладывалось во мнѣ. Я не умѣлъ представить себѣ Пушкина семьяниномъ и царедворцемъ; жена—красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вмѣстѣ, по моимъ понятіямъ объ немъ, не обѣщало упрочить его счастіе.

Проходили годы; ничѣмъ отраднымъ не навѣвало въ нашу даль: *тамъ*, на нашемъ западѣ, все шло тѣмъ-же тяжелымъ ходомъ. Мы, грѣшные люди, стояли какъ поверстные столбы на большой дорогѣ: иные путники, можетъ быть, иногда и взглядывали, но продолжали идти тѣмъ же шагомъ и въ прежнемъ направленіи...

Между тѣмъ у насъ, съ теченіемъ времени, силою самыхъ обстоятельствъ, устроились болѣе смѣлыя, контрабандныя сношенія съ Европейской Россіей; кой-когда доходили до насъ не одни газетныя извѣстія. Такимъ образомъ въ Январѣ(?) 1837 г. возвратившійся изъ отпуска нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ зашелъ въ мой 14 No.. Я искренно обрадовался и забросалъ его распросами о родныхъ и близкихъ, которыхъ ему случилось видѣть въ Петербургѣ. Отдавъ мнѣ отчетъ на мои вопросы, онъ съ какою-то нерѣшительностью упомянулъ и о Пушкинѣ. Я тотчасъ ухватился за это дорогое мнѣ имя: гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился? какъ онъ

поживаетъ? и пр. Розенбергъ выслушалъ меня въ раздумьи, и наконецъ сказалъ: нечего отъ васъ скрывать, — друга вашего нѣтъ! онъ раненъ на дуэли Дантесомъ и черезъ двое сутокъ умеръ; я былъ при отпѣванiи его тѣла въ Конюшенной церкви, наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга.

Слушая этотъ горькiй разсказъ, я сначала рѣшительно не понималъ словъ разскащика, такъ далека была отъ меня мысль, что Пушкинъ долженъ умереть, въ цвѣтѣ лѣтъ, среди живыхъ на него надеждъ. Это былъ для меня громовой ударъ изъ безоблачнаго неба; ошеломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказалась на сердцѣ. Вѣсть эта электрической искрой сообщилась въ тюрьмѣ; во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было, что о смерти Пушкина, — объ общей нашей потерѣ; но въ итогѣ выходило одно, что его не стало и что не воротить его! Провидѣнiе такъ рѣшило; намъ остается благоговѣть предъ его опредѣленiемъ. Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда несказанно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано съ жгучими оскорбленiями, которыя невыразимо должны были отравлять послѣднiе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ, лучше меня — далекаго, извѣстны гнусныя обстоятельства, породившiя дуэль; съ своей стороны скажу только, что я не могъ безъ особеннаго отвращенiя объ нихъ слышать; меня возмущали лица, дѣйствовавшiя и подозрѣваемыя въ участiи по этому гадкому дѣлу, подсѣкшему существованiе величайшаго изъ поэтовъ.

Размышляя тогда и теперь очень часто о ранней смерти друга, не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: что было бы съ Пушкинымъ, если бы я привлекъ его въ нашъ союзъ и еслибы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную отъ той, которая пала на его долю?

Вопросъ дерзкiй, но мнѣ можетъ быть простительный! Вы видѣли внутреннюю мою борьбу всякой разъ, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мнѣ мысль принять его въ члены тайнаго нашего общества; видѣли, что почти уже на волоскѣ висѣла его участь въ то время, когда я случайно встрѣтился съ его отцемъ: эта пустая и совершенно

ничего не значущая встрѣча, между тѣмъ высказалась во мнѣ какимъ-то знаменательнымъ указаніемъ... Только послѣ смерти его, всѣ эти по видимому, ничтожныя обстоятельства приняли въ глазахъ моихъ видъ явнаго дѣйствія промысла, который, спасая его отъ нашей судьбы, сохранилъ поэта для славы Россіи.

Положительно, сибирская жизнь, та, на которую впослѣдствіи мы были обречены въ теченіи тридцати лѣтъ, еслибы и не вовсе изсушила его могучій талантъ, то далеко не дала бы ему возможности достичь того развитія, которое къ несчастію и въ другой сферѣ жизни несвоевременно было прервано. Характеристическая черта генія Пушкина, — разнообразіе. Не было почти явленія въ природѣ, событія въ обыденной и общественной жизни, которое бы прошло мимо его, не вызвавъ дивныхъ и неподражаемыхъ звуковъ его лиры; и поэтому просторъ и свобода, для всякаго человѣка безцѣнные, для него были сверхъ того могущественнѣйшими вдохновителями. Въ нашемъ же тѣсномъ и душномъ заточеніи, гдѣ, природу можно было видѣть только черезъ желѣзныя рѣшетки, а о живыхъ людяхъ развѣ только слышать,—Пушкинъ, при всей воспріимчивости, никакъ не нашелъ бы тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался на поприщѣ общественной жизни. Можетъ быть, и самый рѣзкій переломъ въ существованіи, который далеко не всѣ могутъ выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразномъ, чтобы не сказать капризномъ существѣ.

Однимъ словомъ, въ грустныя минуты, я утѣшалъ себя тѣмъ, что поэтъ не умираетъ, и что Пушкинъ мой всегда живъ для тѣхъ, кто, какъ я, его любилъ, и для всѣхъ, умѣющихъ отыскивать его живаго въ безсмертныхъ его твореніяхъ.

Еще пара словъ.

Манифестомъ 26 Августа 1856 года, я возвращенъ изъ Сибири. Въ Нижнемъ Новгородѣ я посѣтилъ Даля, (онъ провелъ съ Пушкинымъ послѣднюю ночь). У него я видѣлъ Пушкина прострѣленный сюртукъ. Даль хочетъ принести его въ даръ Академіи или публичной Библіотекѣ.

Въ Петербургѣ навѣщалъ меня, больнаго, Константинъ Данзасъ. Много говорилъ я о Пушкинѣ съ его секундантомъ. Онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, что разъ какъ-то, во время послѣдней его болѣзни, пріѣхала І. (?) К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему піявки. Пушкинъ, прося поблагодарить ее за участіе, извинялся, что не можетъ принять. Вскорѣ потомъ со вздохомъ проговорилъ: "какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго."

Вотъ послѣдній вздохъ Пушкина обо мнѣ: этотъ предсмертный голосъ друга дошелъ до меня слишкомъ черезъ 20 лѣтъ! Имъ кончаю и разсказъ мой.

И. П.

Село Марино. Августъ 1858 г.

Примѣчаніе. Случайно довелось мнѣ недавно видѣть копію съ переписки гр. Нессельроде съ гр. Воронцовымъ, вслѣдствіе которой Пушкинъ былъ сосланъ изъ Одессы на жительство въ деревню отца. Поводомъ къ этой перепискѣ, безъ сомнѣнія, было перехваченное на почтѣ письмо Пушкина, къ кому именно писанное мнѣ неизвѣстно; хотя объ этомъ письмѣ Нессельроде и не упоминаетъ, а просто пишетъ, что по дошедшимъ до императора свѣденіямъ о поведеніи и образѣ жизни Пушкина въ Одессѣ, его величество находитъ, что пребываніе въ этомъ шумномъ городѣ для молодаго человѣка, во многихъ отношеніяхъ вредно, и потому поручаетъ спросить его мнѣніе на этотъ счетъ. Воронцовъ отвѣтилъ, что совершенно согласенъ съ высочайшимъ опредѣленіемъ и вполнѣ убѣжденъ, что Пушкину нужно больше уединенія для собственной его пользы.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ ОДНОГО ДЕКАБРИСТА.

(въ Ноябрѣ 1820 года).

Пріѣхавъ въ Каменку, я полагалъ, что никого тамъ не знаю и былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Я познакомился съ нимъ въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ у Петра Чаадаева, съ которымъ онъ былъ друженъ и къ которому имѣлъ большое довѣріе. Вас. Льв. Давыдовъ, ревностный членъ Тайнаго Общества узнавши, что я отъ Орлова, принялъ меня болѣе чѣмъ радушно. Онъ представилъ меня своей матери и своему брату ген. Раевскому,

какъ давнишняго, короткаго своего пріятеля. Съ Генераломъ былъ сынъ его полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я, мы пробыли у Давыдова цѣлую недѣлю. Пушкинъ пріѣхавшій изъ Кишенева, гдѣ въ это время онъ былъ въ изгнаніи и полковникъ Раевскій, прогостили тутъ столько же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостинной, гдѣ всякой могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена Алекс. Льв. Давыдова, котораго Пушкинъ такъ удачно назвалъ "рогоносецъ величавый", урожденная графиня Грамонъ, впослѣдствіи вышедшая замужъ въ Парижѣ за генерала Себастіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и раскраснѣвшись смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала что дѣлать и готова была заплакать. Мнѣ стало ее жалко, и я сказалъ Пушкину въ полголоса: Посмотрите, что вы дѣлаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя. Я хочу наказать кокетку, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было для него ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей гусаровъ въ Царскомъ Селѣ; при этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ то очень пошло. За то заходилъ-ли разговоръ о чемъ нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ то достоинствомъ. Не говоря почти никогда

о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но и въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ его Ноель: "Ура! въ Россію скачетъ" и онъ очень удивился, какъ я его знаю, а между тѣмъ всѣ его ненапечатанныя сочиненія: *Деревня, Кинжалъ, Четырестишіе къ Аракчѣеву, Посланіе къ Петру Чаадаеву* и много другихъ были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько нибудь грамотнаго прапорщика, въ арміи, который не зналъ ихъ наизустъ. Вообще Пушкинъ былъ отголосокъ своего поколѣнія со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ можетъ быть почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи.

Всѣ вечера мы проводили на половинѣ у Вас. Льв., и вечеромъ бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Раевскій, не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ него. Онъ не вѣрилъ, чтобъ я случайно заѣхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, Вас. Льв. Давыдовъ, Охотниковъ и я, сговорились такъ дѣйствовать, чтобъ сбить съ толку Раевскаго на счетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полушутливымъ и полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ, никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія и т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ; на сколько было бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? самъ онъ высказалъ все что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. Вас. Льв. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова. Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую бы могло

принести Тайное Общество въ Россіи. Тутъ, испросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Обществта, которое могло бы быть хоть на сколько нибудь полезно. Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ не трудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: еслибы теперь, уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились бы? — Напротивъ, навѣрно бы присоединился, отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ давайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: Разумѣется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись кромѣ Алек. Львовича, "рогоносца величаваго," который дремалъ, и Пушкина, каторый былъ очень взволнованъ: онъ передъ этимъ увѣрился, что Тайное Общество или существуетъ или тутъ же получитъ свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка, онъ всталъ раскраснѣвшись и сказалъ со слезой на глазахъ: Я никогда не былъ такъ несчастливъ какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженную и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка. Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ. Въ 27 году, когда онъ пришелъ проститься съ Алекс. Григ. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: Я очень понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое общество; я не стоилъ этой чести.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ АРЗЕРУМЪ.

(Бесѣда съ Ермоловымъ).

15 Мая, Георгіевскъ.

Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ 200 верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близь коего находится его

деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простаго набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лице круглое, огненные, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ: голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкескомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, передъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ гр. Эриванскаго—графомъ Ерихонскимъ. Пускай нападетъ онъ, говорилъ Ермоловъ, на пашу неумнаго, неискуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Измаилѣ, и Паскевичъ пропалъ! Я передалъ Ермолову слова гр. Толстаго, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ Персидскую компанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не согласился. Можно бы было сберечь людей и издержки, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина; онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось. Лѣтъ черезъ 50, сказалъ онъ, подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская и австрій-

ская арміи, предводимыя какими-то нѣмецкими генералами. Я пробылъ у него часа два ; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА А. ПУШКИНА, ПЕРЕХВАЧЕННАГО НА ПОЧТѢ.

"Читая Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу,—но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный атей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу ,чтобъ доказать qu' il ne peut exister d'être inteligent createur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная."

Изъ дѣла видно, что Пушкинъ по назначенному маршруту чрезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ отправился изъ Одессы 30 Іюля того-же 1824 года, давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути по своему произволу, и по прибытіи въ Псковъ явиться къ гражданскому губернатору. Если-бы на эту подписку онъ не согласился, его отправили-бы съ надежнымъ чиновникомъ. Ему выдали прогоны на три лошади (на 1621 версту) 389 р. 4 к. Сверхъ того изъ собственной канцеляріи генералъ-губернатора отпущено Пушкину 150 р. въ счетъ бывшаго его жалованья за майскую треть, которое изъ Петербурга высылалось въ эту канцелярію, но за послѣднюю треть еще не было прислано. Видно также, что съ 1 Мая по 8 Іюля, т. е. по день увольненія его вовсе отъ службы, ему слѣдовало всего 128 р. 97½ к. Пушкинъ прибылъ въ имѣніе отца своего стат. совѣт. Сергѣя Львовича Пушкина, состоящее въ Опочковскомъ уѣздѣ, Августа 9. Въ донесеніи тогдашняго одесскаго градоначаль-

ника гр. Гурьева графу Воронцову объ отсылкѣ Пушкина, рукой самаго гр. Гурьева прописано, что "маршрутъ до Кіева не касается."

Переписка графа Воронцова съ графомъ Нессельроде.

Въ архивѣ канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора есть дѣло за No. 1,714 и 57 о высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію *коллежскаго секретаря Пушкина*, на 33 листахъ, 1824 года. Вотъ Акты:

ОТЪ ВОРОНЦОВА КЪ ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДЕ.

(Съ французскаго).

Одесса 27 Марта, 1824 года.

Графъ,

Вашему сіятельству извѣстны причины, по которымъ, нѣсколько времени тому назадъ, молодой Пушкинъ былъ посланъ съ письмомъ отъ графа Каподистрія къ генералу Инзову. Во время моего пріѣзда сюда, генералъ Инзовъ предоставилъ его въ мое распоряженіе, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ находился еще до моего пріѣзда, когда генералъ Инзовъ былъ въ Кишиневѣ. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что либо, напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодаго человѣка, *нелишеннаго дарованій*, и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина—честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній, и имѣетъ уже множество льстецовъ хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ *замѣчательный писатель*, въ то время какъ онъ *только* слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало (лорда Байрона). Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли-бы хорошее вліяніе на его талантъ,—въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали-бы изъ него со временемъ *замѣчательнаго* писателя.

Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ чему нибудь, потому, что хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близокъ отсюда, что ничего не помѣшаетъ его почитателямъ поѣхать туда; да и наконецъ въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и молодыхъ грекахъ скверное общество.

По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу ваше сіятельство довести объ этомъ дѣлѣ до свѣденія государя, и испросить его рѣшенія по оному. Ежели Пушкинъ будетъ жить въ другой губерніи, онъ найдетъ болѣе поощрителей къ занятіямъ и избѣжитъ здѣшняго опаснаго общества. Повторяю, Графъ, что я прошу этого только ради него самаго; надѣюсь, моя просьба не будетъ истолкована ему во вредъ, и вполнѣ убѣжденъ, что только согласившись со мною, ему можно будетъ дать болѣе средствъ обработать его рождающійся талантъ, удаливъ его въ тоже время отъ того, что ему такъ вредно, отъ лести и столкновенія съ заблужденіями и опасными идеями*.

Имѣю честь пребыть и проч.

ОТЪ НЕССЕЛЬРОДЕ КЪ ВОРОНЦОВУ.

С. Петербургъ 11 Іюля 1824. года.

Графъ,

Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя ваше сіятельство прислали мнѣ, по поводу коллеж. секретаря Пушкина. Его величество вполнѣ согласился съ вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ, въ это время, другими свѣденіями, полученными его величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ прило-

* Воронцовъ желалъ выпроводить Пушкина изъ ревности.

женнаго при семъ письма. Его величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала Московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого его величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ *за дурное поведеніе;* впрочемъ его величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство, употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Ваше сіятельство не замедлитъ сообщить г. Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами.

Примите увѣреніе и проч.

ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ.

15 Октября 1827 года, подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. "Вѣроятно Поляки, сказалъ я хозяйкѣ." Да, отвѣчала она, нынче отвозятъ назадъ. Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ...

Я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или объясненій. Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотрѣли другъ на друга,—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ

другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слушалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали. Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлюсельбурга, но куда же?

Вотъ какъ доноситъ фельдъегерь объ этомъ свиданіи Пушкина съ Кюхельбекеромъ:

Господину дежурному генералу главнаго штаба е. и. в. генералъ-адъютанту и кавалеру Потапову.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ ПОДГОРНАГО.

РАПОРТЪ.

Отправленъ я былъ сего мѣсяца 12 числа въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и на пути пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С. Петербургъ, нѣкто г. Пушкинъ, началъ послѣ поцѣлуя съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, найпоспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать; а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семъ ему отказалъ. Тогда онъ г. Пушкинъ кричалъ, и угрожая мнѣ, говорилъ, что по прибытіи въ Петербургъ въ туже минуту доложу е. и. в., какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того не премину также сказать и генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ между прочими угрозами объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ.

28 Октября, 1827 года.

Въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ Библіограф. Запискахъ 1859 г. (No. 5) подъ буквою П.—разумѣется Пестель, Д.—Дельвигъ, Р.—Рылѣевъ, NB.—Дуровъ, С.—Скреженецкій.

ПРИМѢЧАНІЯ А. ПУШКИНА КЪ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престолъ первый вопросъ государя графу Гудовичу былъ : "живъ-ли мой отецъ?"

Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться.

Первое возмутительное возваніе Пугачева къ Яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго.* Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія или публикаціи Рейнсдорфа были писаны столь-же вяло, какъ и правильно, длинными фразами, съ глаголами на концѣ.

Сей Нащокинъ (Воинъ Васильевичъ) былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову; послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ : "боюсь! боюсь! онъ дерется!" (Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины.)

Нащокинъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей того времени. Сынъ его написалъ его записки; отъ роду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при восшествіи на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ государю : "вы горячи, и я горячь; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ." Государь засмѣялся и пожаловалъ ему деревню въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникомъ императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 году.

Генералъ Каръ, такъ позорно кончившій свое поприще, былъ въ одно время и звѣрь, и трусъ по характеру; о послѣднемъ намекаютъ слова Пушкина :

Отличившійся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній начальства.

* Варіантъ : Не смотря на грамматическія ошибки.

Разсказывая о томъ, какъ московское благородное собраніе выразило Кару свое презрѣніе, Пушкинъ замѣтилъ :

Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то ужъ гораздо равнодушнѣе, нежели бывало въ старину.

О Бибиковѣ : Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени. Императрица уважала его и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Шлюссельбургъ для переговоровъ съ несчастнымъ семействомъ Іоанна.* Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину, что весьма не понравилось государынѣ. Свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны. Его подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ государя великаго князя. Существовала-ли такая партія, или нѣтъ—другой вопросъ ; но симъ призракомъ безпрестанно смущали воображеніе государыни, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали напрасныя подозрѣнія, ежедневныя мелочныя досады и наглая† дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицей и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ : великій князь, разговоривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ : во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено и что у брата его отнимаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, распросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала : "скажи брату своему, что полкъ его въ случаѣ тревоги долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчину."

* Варіантъ : въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ.

† Варіантъ : подлая.

Общія замѣчанія : Уральскіе казаки, большею частію раскольники, (особливо старые люди) донынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ восьмидесятилѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ. Раскажи мнѣ, говорилъ я (Дмитрію) Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженнымъ отцемъ на твоей свадьбѣ? —Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ. Когда я упоминалъ о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря : "не его воля была; наши пьяницы его мутили!"

— Замѣчательна разность, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Минѣевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. А Шванвичь только ошельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія.

Кто были сіи смышленные сообщники, руководившіе дѣйствіями самозванца? Перфильевъ? Шигаевъ? это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но къ сожалѣнію я его не читалъ, не смѣвъ распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія.

— Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго казанскаго губернатора.

— Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало — не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противуположны. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу; тоже можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Шванвичь одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ. Всѣ *нѣмцы*,

находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Деморанъ, Дуве и проч. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорфъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Велленштернъ, Биловъ, Декалонгъ и проч. Разбирая мѣры...

Исторія Пугачевскаго бунта была ценсирована самимъ государемъ, который читалъ ее весьма внимательно. Въ одномъ мѣстѣ, послѣ разсказа о взятіи княземъ Голицынымъ крѣпости Татищевой и совершенномъ тамъ пораженіи Пугачева, Пушкинъ разсказываетъ, что въ пору весенней оттепели, тѣла убитыхъ подъ Татищевой плыли по Яику и были узнаваемы женами и матерями убитыхъ; въ тоже время старая казачка, мать Стёпки Разина, безпрестанно останавливала костылемъ плывшіе трупы, и не узнавая своего Степушки, снова отталкивала ихъ отъ берега. Государь написалъ карандашемъ: "Лучше выпустить, ибо связи нѣтъ съ дѣломъ." Пушкинъ отнесъ разсказъ въ примѣчаніе, но скрылъ имя казачки (См. примѣч. 17 къ V главѣ). Въ двухъ другихъ мѣстахъ государь поставилъ по вопросительному знаку передъ двумя прилагательными: "такъ *бѣдный* колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе" (издан. Исакова, стр. 93, т. VI); "Суворовъ съ любопытствомъ распрашивалъ *славнаго* мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ" (ibidem, стр. 110). *Бѣдный* и *славный* перемѣнены на *темный* и *плѣнный*. Стоитъ упомянуть, что одна изъ главъ была вложена въ листъ бумаги на которомъ были написаны слова: "Креницыны Петръ и Александръ." Какъ-бы досадуя на подобное небреженіе при представленіи рукописи, государь подчеркнулъ ихъ и подписалъ: "что такое?" Самъ по себѣ Пушкинъ выпустилъ окончаніе письма Бибикова (февр. 1775 г.), которое свидѣтельствуетъ о мрачномъ взглядѣ съ какимъ онъ смотрѣлъ на происходящее: "Ой да работка! Одинъ всевышній да будетъ помощникъ! Однако работаю, и работать буду до положенія ризъ. Твори Богъ, волю свою.

*Два анонимныя письма къ Пушкину, которыхъ содержаніе, бумага, чернила и форматъ совершенно одинаковы**.

Великіе кавалеры, командиры и рыцари свѣтлѣйшаго Ордена Рогоносцевъ, въ полномъ собраніи своемъ, подъ предсѣдательствомъ великаго магистра Ордена Д. Л. Нарышкина единогласно выбрали Александра Пушкина коадьюторомъ великаго магистра Ордена Рогоносцевъ и исторіографомъ Одрена.

Непремѣнный секретарь, графъ І. Борхъ†.

Письмо Пушкина, адрессованное, кажется, на имя графа Бенкендорфа.

Графъ,

Я въ правѣ и даже обязанъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что дѣлается въ моемъ семействѣ. Утромъ 4 Ноября, я получилъ 3 экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для меня и моей жены. По бумагѣ, по слогу и по пріемамъ, я сейчасъ догадался, что оно было написано иностранцемъ, человѣкомъ высшаго общества — дипломатомъ. Я началъ поиски, и узналъ, что въ тотъ-же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того-же письма‡, въ двойныхъ конвертахъ, и адрессованныя на мое имя.

Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какой нибудь пасквиль, не отослали ихъ ко мнѣ. Всѣ пришли въ негодованіе отъ этой неосновательной и низкой обиды, но всѣ, повторяя, что поведеніе моей жены было безупречно, говорили, что поводомъ къ этой клеветѣ было настойчивое волокитство за нею г. Дантеса. Въ этомъ случаѣ, я не потерплю, чтобы имя моей жены было связано клеветою съ именемъ

* Второе письмо такое-же, на обоихъ письмахъ другою рукою написаны адрессы: Александру Сергѣевичу Пушкину.

† Десять первыхъ писемъ переведены съ французскаго.

‡ Запечатанныя (по другому списку).

кого-бы то ни было, и просилъ передать объ этомъ Дантесу. Баронъ Гекеренъ приходитъ ко мнѣ въ мѣсто его, принимаетъ вызовъ, и проситъ отстрочки дуэли на 15 дней. Случилось, что, въ продолженіи этого времени, Дантесъ влюбился въ мою свояченицу Гончарову и просилъ у ней руки. Молва меня предупредила, и я просилъ передать г. Аршіаку, секунданту Дантеса, что я отказываюсь отъ своего вызова. Я убѣдился наконецъ, что анонимное письмо было написано Гекереномъ, и я принимаю за долгъ объявить объ этомъ обществу и правительству.

Будучи единственнымъ судьею и защитникомъ моей чести и моей жены, я не обращаясь ни къ кому ни за справедливостью, ни за отомщеніемъ, не могу и не хочу приводить доказательствъ кому-бы то нибыло въ томъ, что я утверждаю. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь Графъ, что это письмо вы примите за доказательство уваженія и довѣрія къ вамъ.

Съ истиннымъ чувствомъ и проч.

21 Ноября 1836 г.

ОТЪ ПУШКИНА КЪ ГЕКЕРЕНУ ОТЦУ.

Баронъ,

Позвольте мнѣ разсказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ обо всемъ, что случилось. Я зналъ давно о поведеніи вашего сына, и не могъ смотрѣть на него равнодушно, тѣмъ болѣе, когда оно прямо касалось меня. Я получилъ анонимное письмо, и это обстоятельство, непріятное для меня во всякое время—совершенно кстати заставило меня принять рѣшеніе; я увидѣлъ, что минута настала—и я ею воспользовался. Остальное вы знаете. Я заставилъ играть вашего сына такую жалкую роль, что моя жена, удивленная нелѣпостью и низостью его поступка, не могла удержаться отъ смѣха, и чувство, которымъ она отвѣчала на его великую страсть—глубокое и вполнѣ заслуженное презрѣніе. Позвольте мнѣ сказать Баронъ, что роль, которую вы играли въ этомъ дѣлѣ была не лучше. Вы, представитель коронованной особы,

вы были отеческимъ сводникомъ вашего в....., иначе называемаго, вашимъ сыномъ. Все его поведеніе (скверное, какъ и прежде) вѣроятно было направляемо вами, вы вѣроятно нашептывали ему тѣ пошлости, которыя онъ разсыпалъ, и тѣ гнусности и мерзости, которыя онъ писалъ. Какъ какая нибудь похабная старуха, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобъ нашептывать ей о любви вашего сына, и когда онъ лежалъ въ сифилисѣ, и не могъ выходить—вы говорили, что онъ убьетъ себя изъ любви къ ней, прибавляя : "отдайте мнѣ моего сына."

Вы хорошо понимаете, что послѣ всего этого, наши отношенія должны прекратиться ; только подъ этимъ условіемъ : я согласенъ не давать ходу этому грязному дѣлу и не обезчестить васъ передъ глазами двухъ дворовъ, что я намѣревался и былъ въ правѣ сдѣлать. Я не хочу, чтобъ моя жена продолжала слушать ваши отеческія воздыханія, я не могу позволить вашему сыну, послѣ его подлаго поступка, сказать ей слово, тѣмъ болѣе волочиться за ней и разсыпать казарменные каламбуры, разыгрывая роль страстно-любящаго, несчастнаго страдальца (о которомъ, я бы пожалѣлъ если-бы это была правда, а не о такомъ негодяѣ и мерзавцѣ, какъ вашъ сынъ). Я прошу васъ Баронъ прекратить всѣ ваши уловки, во избѣжаніе новаго скандала, передъ которымъ я не останусь равнодушнымъ.

Имѣю честь быть и проч.—А. П.

ОТВѢТЪ ГЕКЕРЕНА.

Милостивый государь,

Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ викопту Аршіаку съ просьбою передать вамъ это письмо, и удостовѣриться притомъ, что письмо, на которое я отвѣчаю, было дѣйствительно отъ васъ. Его содержаніе переходитъ всякія границы возможной благопристойности, и я отказываюсь отвѣчать на подробности вашего письма.

Мнѣ кажется вы забыли милостивый государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Георгу Гекерену, принявшему его. Доказательства того, что я говорю—въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только сказать, что г. Аршіакъ условится съ вами о мѣстѣ свиданія съ барономъ Г. Гекереномъ, прибавляя при этомъ, что свиданіе должно быть непремѣнно, безъ всякой отстрочки.

Я найду средства впослѣдствіи научить васъ уваженію къ званію, въ которое я облеченъ и которое никакая выходка съ вашей стороны обидѣть не можетъ.

Вашъ покорный слуга

Баронъ Гекеренъ.

Письмо читано и одобрено барононъ Г. Гекереномъ.

ЗАПИСКИ ОТЪ АРШІАКА

Нижеподписавшійся извѣщаетъ г. Пушкина, что онъ будетъ ожидать у себя дома до 11 часовъ вечера, а потомъ на балѣ графини Разумовской, особу, которой будетъ поручено условиться о дѣлѣ, долженствующемъ непремѣнно окончиться завтра. Въ ожиданіи отвѣта, свидѣтельствую г. Пушкину полное свое уваженіе.

Виконтъ д'Аршіакъ.

Вторникъ, 26 Января (7 Февраля) 1837 г.

Милостивый государь,

Сегодня утромъ я съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта на мою вчерашнюю записочку. Мнѣ необходимо переговорить съ секундантомъ, котораго вы выберете, и это въ возможно скоромъ времени. До полудня я дома; надѣюсь еще до этого времени увидѣться съ тѣмъ, кого вы пошлете.

Середа 9 ч. утра, 27 Января (8 Февраля) 1837 г.

Милостивый государь,

Оскорбивши честь барона Г. Гекерена, вы должны дать

ему удовлетвореніе. Вы должны сами позаботиться сыскать себѣ секунданта, въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобъ мы это сдѣлали. Баронъ Г. Гекеренъ, готовый съ своей стороны, проситъ васъ не медлить; всякая отсрочка будетъ принята имъ, какъ отказъ въ томъ удовлетвореніи, которое вы ему должны, и что откладывая дѣло, вы только затягиваете его окончаніе. Переговоры между секундантами необходимы только въ томъ случаѣ, если вы отвергнете одно изъ условій барона Г. Гекерена. Вы мнѣ вчера сказали и сегодня написали, что согласны на все. Примите и проч.

Виконтъ д'Аршіакъ.

27 Января (8 Февраля) 1837 г.

Визитная карточка Аршіака, на которой написано:

Я прошу г. Пушкина сказать, можетъ-ли онъ меня принять, а если нѣтъ, то назначить для этого время.

ПИСЬМО ПУШКИНА КЪ АРШІАКУ.

Виконтъ,

Я вовсе не хочу, чтобы праздные языки въ Петербургѣ вмѣшивались въ мои семейныя дѣла, поэтому я не согласенъ ни на какія переговоры между секундантами. Такъ какъ г. Гекеренъ — обиженный и вызвалъ меня, то онъ можетъ выбрать для меня, если увидитъ въ томъ надобность, одного секунданта; я соглашусь на всякой выборъ его, если только онъ не назначитъ своего лакея. Что касается до времени и мѣста, я всегда готовъ къ его услугамъ. Этого совершенно достаточно по понятіямъ каждаго русскаго человѣка. Я прошу васъ убѣдиться, что это мое послѣднее слово въ томъ дѣлѣ, и я не тронусь съ мѣста до окончательной встрѣчи.

Примите увѣреніе и проч.

Пушкинъ.

27 Января. Между 9½ и 10 час. утра.

ОТЪ АРШІАКА КЪ ВЯЗЕМСКОМУ.

Князь,

Вы хотѣли знать подробности грустнаго происшествія,

котораго я и г. Данзасъ были свидѣтелями. Я ихъ сообщу вамъ, и прошу васъ передать это письмо г. Данзасу для его прочтенія и удостовѣренія подписью.

Въ половинѣ 5го мы были на назначенномъ мѣстѣ. Сильный вѣтеръ порывисто дулъ въ это время, что и заставило насъ взойти въ маленькую еловую рощу. Глубокій снѣгъ мѣшалъ дѣлу, такъ что надобно было очистить мѣсто на 20 шаговъ разстоянія; противники стали по обоимъ концамъ; барьеръ означили двумя шинелями, каждый изъ противниковъ взялъ по пистолету. Полковникъ Данзасъ подалъ сигналъ, поднявъ шапку. Пушкинъ въ одну минуту былъ уже у барьера; Гекеренъ сдѣлалъ къ нему 4 или 5 шаговъ. Оба противника начали цѣлить, раздался выстрѣлъ,—Пушкинъ былъ раненъ, сказавъ объ этомъ, онъ упалъ на шинель у своего барьера, лицомъ къ землѣ. Секунданты подошли; онъ приподнялся и сидя сказалъ: "постойте." Пистолетъ, который онъ держалъ въ рукѣ былъ весь въ снѣгу; онъ спросилъ другой. Я хотѣлъ помѣшать продолженію этого дѣла, но баронъ Гекеренъ остановилъ меня знакомъ.—Пушкинъ, опираясь лѣвою рукою на землю началъ цѣлить; рука его не дрожала. Выстрѣлъ снова раздался. Гекеренъ неподвижный до тѣхъ поръ — упалъ.

Рана Пушкина была слишкомъ опасна для продолженія дѣла—и оно окончилось. Онъ два раза терялъ сознаніе, послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго забытья, онъ наконецъ пришелъ въ себя. Положенный въ тряскія сани, онъ на растояніи полу - версты самой скверной дороги, сильно страдалъ, но не жаловался.

Гекеренъ, поддерживаемый мною, дошелъ до своихъ саней и дождался пока не тронулись сани его противника, я тогда сопутствовалъ его до Петербурга. Въ продолженіи всего дѣла обѣ стороны были спокойны, хладнокровны—съ истиннымъ достоинствомъ.

Примите увѣреніе и проч.

Виконтъ д'Аршіакъ.

1/13 Февраля 1837 г.

КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ ОТЪ ДАНЗАСА.

Милостивый государь,

Князь Петръ Андреевичъ.

Письмо къ вамъ отъ д'Аршіака о несчастномъ происшествіи, которому я былъ свидѣтелемъ, я читалъ. Д' Аршіакъ проситъ васъ предложить мнѣ засвидѣтельствовать показаніе его о семъ предметѣ. Истина требуетъ, чтобы я не пропустилъ безъ замѣчанія нѣкоторыя невѣрности въ его разсказѣ. Г. д' Аршіакъ, объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны г. Гекерена и что А. С. Пушкинъ раненный упалъ, продолжаетъ: "секунданты подошли; онъ приподнялся и сидя сказалъ: постойте. Пистолетъ, который онъ держалъ въ рукѣ былъ весь въ снѣгу, онъ спросилъ другой. Я хотѣлъ помѣшать продолженію этого дѣла, но баронъ Гекеренъ остановилъ меня знакомъ." Слова А. С. Пушкина, когда онъ поднялся, опершись рукой, были слѣдующія: "постойте, я чувствую въ себѣ еще столько силы, чтобы выстрѣлить." Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ въ обмѣнъ того, который былъ у него въ рукѣ и стволъ котораго набился снѣгомъ, при паденіи раненнаго. Но я не могу оставить безъ возраженія замѣчаніе д'Аршіака, будто-бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ г. Гекерена. Обмѣнъ пистолета не могъ подать повода, во время поединка, ни къ какому спору. По условію каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить, пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ, забившійся въ дуло пистолета Александра Сергѣевича, усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ-бы его. Никакого знака ни со стороны г. д'Аршіака, ни со стороны г. Гекерена дапо не было. Что до меня касается, то я почитаю оскорбленіемъ для памяти Пушкина предположеніе, будто онъ стрѣлялъ въ противника съ преимуществами, на которыя не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказапо не было; если-бы оно могло возродиться, то г. д'Аршіакъ обязанъ

былъ объявить возраженіе и не останавливаться знакомъ, будто-бы отъ г. Гекерена поданнымъ. Къ тому-же сей последній не иначе могъ-бы узнать намѣреніе д'Аршіака, какъ тогда, когда-бы оно было выражено словами, но онъ ихъ не произносилъ. Я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка г. Гекереномъ; но рѣшительно отвергаю, чтобы онъ произвольно подвергся опасности, которую могъ-бы отъ себя отстранить. Не отъ него зависѣло уклониться отъ удара своего противника, послѣ того, какъ онъ свой нанесъ. Ради истины разсказа прибавлю также замѣчаніе на это выраженіе: "Гекеренъ неподвижный до тѣхъ поръ—упалъ." Противники шли другъ на друга грудью. Когда Пушкинъ упалъ, тогда г. Гекеренъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ подойти къ нему; послѣ-же словъ Пушкина, что онъ хотѣлъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую справедливость показаній г. д'Аршіака.

Съ совершеннымъ и проч.

К. Данзасъ.

ОТЪ ГРАФА БЕНКЕНДОРФА КЪ ГРАФУ СТРОГОНОВУ.*

По непремѣнному желанію г-жи Пушкиной, я обратился къ его величеству съ просьбою дозволить Данзасу (другу Пушкина) проводить тѣло умершаго до кладбища. Императоръ отвѣчалъ: "я сдѣлалъ все, что только могъ: дозволилъ подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемоніи при тѣлѣ его друга; дальнѣйшее снисхожденіе было-бы

* Въ одномъ спискѣ послѣ этихъ матеріаловъ прибавлена замѣтка (кажется изъ письма кн. Вяземскаго):

"Вотъ и вся переписка. Она будетъ, можетъ быть, современемъ напечатана въ одной повѣсти, если только цензура ее пропуститъ..... Объ одномъ просилъ-бы я васъ по христіански—не давать кому нибудь переписывать этихъ писемъ, потому что въ нихъ цѣна потеряется при раздробленіи, исказятъ ихъ и будутъ всѣ толковать по своему. Къ тому-же я далъ честное слово не распространять ихъ далеко."

нарушеніемъ закона, и слѣдовательно невозможно", присовокупивъ : " Тургеневъ, давнишній другъ покойника, отдастъ этотъ послѣдній долгъ Пушкину, и я уже поручилъ проводить тѣло." Спѣша передать вамъ сіе высочайшее *соизволеніе*, имѣю честь и пр.

А. Бенкендорфъ.

ЗАПИСКИ И. И. ПУЩИНА

о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ *.

—

1811-го года, въ августѣ, числа рѣшительно не помню, дѣдъ мой, адмиралъ Пущинъ, повезъ меня и двоюроднаго моего брата Петра, тоже Пущина, къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому. Старикъ, слишкомъ 80-ти лѣтній, хотѣлъ непремѣнно самъ представить министру своихъ внучатъ, записанныхъ по его же просьбѣ въ число кандидатовъ Лицея, новаго заведенія, которое самымъ своимъ названіемъ поражало публику въ Россіи: не всѣ тогда имѣли понятіе о колонадахъ въ аѳинскихъ садахъ, гдѣ греческіе философы научно бесѣдовали съ своими учениками. Это замѣчаніе мое до того справедливо, что потомъ, даже въ 1817 году, когда, послѣ выпуска, мы шестеро, назначенные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса, подъѣзжаетъ къ намъ графъ Милорадовичъ, тогдашній корпусный командиръ, съ вопросомъ: что мы за люди и какой это мундиръ? — Услышавъ нашъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался и потомъ очень важно сказалъ окружавшимъ его: «Да, это не то, что университетъ, не то, что кадетскій корпусъ, не семинарія — это... лицей». —Поклонился, повернулъ лошадь и

* Передаемъ эти драгоцѣнныя Записки въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышли онѣ изъ-подъ пера недавно умершаго автора. Необходимые, впрочемъ весьма немногіе пропуски, или формально оговорены нами, или обозначены точками. *Ред.*

ускакалъ. Надо сознаться, что опредѣленіе очень забавно, хотя далеко не точно.

Дѣдушка нашъ Петръ Ивановичъ насилу взошелъ на лѣстницу, въ залѣ тотчасъ сѣлъ, а мы съ Петромъ стали по обѣ стороны возлѣ него, глядя на нашу братью, уже частію тутъ собранную. Знакомыхъ у насъ никого не было. Старикъ, не видя появленія министра, начиналъ сердиться. Подозвалъ дежурнаго чиновника и объявилъ ему, что андреевскому кавалеру не приходится ждать; что ему нуженъ Алексѣй Кириловичъ, а не туалетъ его. Чиновникъ исчезъ, и тотчасъ старика нашего съ нами повели во внутреннія комнаты, гдѣ онъ насъ поручилъ благосклонному вниманію министра, разсыпавшагося между тѣмъ въ извиненіяхъ. Скоро нашъ адмиралъ отправился домой, а мы, подъ покровомъ дяди Рябинина, пріѣхавшаго смѣнить дѣда, остались въ залѣ, которая почти наполнилась вновь наѣхавшими нашими будущими однокашниками, съ ихъ провожатыми.

У меня разбѣжались глаза: кажется, я не былъ изъ застѣнчиваго десятка, но тутъ какъ-то потерялся — глядѣлъ на всѣхъ, и никого не видалъ. Вошелъ какой-то чиновникъ съ бумагой въ рукѣ и началъ выкликать по фамиліямъ. Я слышу: *Александръ Пушкинъ!*—выступаетъ живой мальчикъ, курчавый, быстроглазый, тоже нѣсколько сконфуженный. По сходству ли фамиліи, или по чему другому, несознательно облüжающему, только я его замѣтилъ съ перваго вгляду. Еще вглядывался въ Г......ва, который былъ тогда необыкновенно миловиденъ. При этомъ передвиженіи мы всѣ нѣсколько приободрились; начали ходить, въ ожиданіи представленія министру и начала экзамена. Не припомню кто, только чуть ли не В. Л. Пушкинъ, привезшій Александра, подозвалъ меня и познакомилъ съ племянникомъ. Я узналъ отъ него, что онъ живетъ у дяди, на Мойкѣ, недалеко отъ насъ. Мы положили часто видѣться. Пушкинъ, въ свою очередь, познакомилъ меня съ Л...мъ и Г...мъ.

Скоро начали вызывать насъ по одиночкѣ въ другую комнату, гдѣ, въ присутствіи министра, начался экзаменъ, послѣ котораго всѣ постепенно разъѣзжались. Все кончилось довольно поздно.

Черезъ нѣсколько дней, графъ Разумовскій пишетъ дѣдушкѣ,

что оба его внука выдержали экзаменъ, но что изъ насъ двоихъ одинъ только можетъ быть принятъ въ лицей, на томъ основаніи, что правительство желаетъ, чтобъ большее число семействъ могло воспользоваться новымъ заведеніемъ. На волю дѣда отдавалось рѣшить, который изъ его внуковъ долженъ поступить. Дѣдушка выбралъ меня, кажется потому, что у батюшки моего, старшаго его сына, семейство было гораздо многочисленнѣе. Такимъ образомъ я сдѣлался товарищемъ Пушкина. О его пріемѣ я узналъ при первой встрѣчѣ у директора нашего, В. Ѳ. Малиновскаго, куда насъ неоднократно собирали, сначала для снятія мѣрки, потомъ для примѣриванія платья, бѣлья, ботфортъ, сапогъ, шляпъ, и проч. На этихъ свиданіяхъ мы всѣ, больше или меньше, ознакомились. Сынъ директора, Иванъ, тутъ уже былъ для насъ чѣмъ-то въ родѣ хозяина.

Между тѣмъ, когда я достовѣрно узналъ, что и Пушкинъ отдается въ лицей, то на другой же день отпросился къ нему, какъ къ ближайшему сосѣду. Съ этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувствѣ какой-то безотчетной симпатіи. Родные мои тогда жили на дачѣ, а я только туда ѣздилъ, бо́льшую же часть времени проводилъ въ городѣ, гдѣ, у профессора Лоди, занимался разными предметами, чтобъ не даромъ пропадало время до вступленія моего въ лицей. При всякой возможности я отыскивалъ Пушкина; иногда съ нимъ гулялъ въ Лѣтнемъ саду; — эти свиданія вошли въ обычай, такъ что, если нѣсколько дней меня не видать, Василій Львовичъ, бывало, мнѣ пеняетъ: онъ тоже привыкъ ко мнѣ, полюбилъ меня. Часто, въ его отсутствіе, мы оставались съ А... Н...й. Она подъ-часъ, насъ, птенцовъ, приголубливала; случалось, что и прибранитъ, когда мы надоѣдимъ ей нашими ранновременными шутками. Именно замѣчательно, что она строго наблюдала, чтобъ наши ласки не переходили границъ, хотя и любила съ нами побалагурить и пошалить, — а про насъ и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и нѣкоторою свободой въ обращеніи съ милою дѣвушкой. Съ Пушкинымъ у ней часто доходило до ссоры, иногда она требовала тутъ вмѣшательства и дяди. Изъ другихъ товарищей видались мы иногда съ Л....вымъ и Г....мъ. Madame Г.... насъ иногда и къ себѣ приглашала.

Всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все что читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ выказываться и важничать, какъ это очень часто бываетъ, въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ), съ скороспѣлками, которые, по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ, и раньше и легче находятъ случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина въ отцовскомъ домѣ и у дяди, въ кругу литераторовъ, помимо природныхъ его дарованій, ускорила его образованіе, но нисколько не сдѣлала его заносчивымъ — признакъ доброй почвы. Все научное онъ считалъ ни во что, и какъ-будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ, и проч. Въ этомъ даже участвовало его самолюбіе, — бывали столкновенія очень неловкія. Какъ послѣ этого понять сочетаніе разныхъ внутреннихъ нашихъ двигателей! Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь бывало его поглощеннымъ, не по лѣтамъ, въ думы и чтеніе — и тутъ же онъ внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены на Крестовскомъ острову, куда возилъ насъ иногда на яликѣ гулять Василій Львовичъ.

Среди дѣла и бездѣлья, незамѣтнымъ образомъ, прошло время до октября. Въ лицеѣ все было готово, и намъ велѣно было съѣзжаться въ Царское Село. Какъ водится, я поплакалъ, разставаясь съ домашними; сестры успокоили меня тѣмъ, что будутъ навѣщать по праздникамъ, а на Рождество возьмутъ домой.—Повезъ меня тотъ же дядя Рябининъ, который пріѣзжалъ за мной къ Разумовскому. Въ Царскомъ мы вошли къ директору: его домъ былъ рядомъ съ лицеемъ. Василій Ѳедоровичъ поцѣловалъ меня, поручилъ инспектору Пилецкому-Урбановичу отвезти въ лицей. Онъ привелъ меня прямо въ четвертый этажъ и остановился передъ комнатой, гдѣ надъ дверью была черная дощечка съ надписью: *№ 13. Иванъ Пущинъ;* я взглянулъ налѣво и увидѣлъ: *№ 14. Александръ Пушкинъ.* Очень былъ радъ такому сосѣду, но его еще не было, — дверь была заперта; меня тотчасъ ввели во владѣніе моей комнатой, одѣли

съ ногъ до головы въ казенное, тутъ приготовленное, и пустили въ залу, гдѣ уже двигались многіе новобранцы. Мелкаго нашего народу съ каждымъ днемъ прибывало. Мы знакомились поближе другъ съ другомъ, знакомились и съ роскошнымъ нашимъ новосельемъ. Постоянныхъ классовъ до оффиціальнаго открытія лицея не было, но нѣкоторые профессора приходили заниматься съ нами, предварительно испытывая силы каждаго— и такимъ образомъ знакомясь съ нами, пріучали насъ, въ свою очередь, къ себѣ.

Всѣ тридцать воспитанниковъ собрались. Пріѣхалъ министръ, все осмотрѣлъ, сдѣлалъ намъ репетицію церемоніала въ полной формѣ, то-есть: вводили насъ извѣстнымъ порядкомъ въ залу, ставили куда слѣдуетъ, по списку вызывали и учили кланяться по направленію къ мѣсту, гдѣ будетъ сидѣть Императоръ и Высочайшая фамилія. При этомъ неизбѣжно были презабавныя сцены неловкости и ребяческой наивности.

—

Настало наконецъ 19-е октября,—день,назначенный для открытія лицея. Этотъ день, памятный намъ, первокурснымъ, не разъ былъ воспѣтъ Пушкинымъ въ незабвенныхъ его для насъ стихахъ, знакомыхъ больше или меньше и всей читающей публикѣ.

Торжество началось молитвой. Въ придворной церкви служили обѣдню и молебенъ съ водосвятіемъ. Мы на хорахъ присутствовали при служеніи. Послѣ молебна, духовенство со святою водой пошло въ лицей, гдѣ окропило насъ и все заведеніе.

Въ лицейской залѣ, между колоннами, поставленъ былъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотой бахрамой. На этомъ столѣ лежала Высочайшая грамата, дарованная лицею. По правую сторону стола, стояли мы въ три ряда; при насъ—директоръ, инспекторъ и гувернеры; по лѣвую—профессора и другіе чиновники лицейскаго управленія. Остальное пространство залы, на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, было все уставлено рядами креселъ для публики. Приглашены были всѣ высшіе сановники и педагоги изъ Петербурга. Когда все общество собралось, министръ пригласилъ Государя. Императоръ Александръ явился въ сопровожденіи Императрицъ, Великаго Князя Константина Павловича и Великой Княжны Анны Пав-

ловны. Привѣтствовалъ все собраніе, Царская фамилія заняла кресла въ первомъ ряду. Министръ сѣлъ возлѣ Государя.

Среди общаго молчанія, началось чтеніе. Первый вышелъ И. И. Мартыновъ, тогдашній директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Дребезжащимъ, тонкимъ голосомъ прочелъ манифестъ объ учрежденіи лицея и Высочайше дарованную ему грамату. (Это было единственное изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній того времени, котораго уставъ гласилъ: «Тѣлесныя наказанія запрещаются». — Я не знаю, есть ли и теперь другое, на этомъ основаніе существующее.)

Вслѣдъ за Мартыновымъ робко выдвинулся на сцену нашъ директоръ, В. Ѳ. Малиновскій, съ сверткомъ въ рукѣ. Блѣдный какъ смерть, началъ что-то читать; читалъ довольно долго, но врядъ ли многіе могли его слышать, такъ голосъ его былъ слабъ и прерывистъ. Замѣтно было, что сидѣвшіе въ заднихъ рядахъ начали перешептываться и прислоняться къ спинкамъ креселъ. Проявленіе, не совсѣмъ ободрительное для оратора, который, кончивши рѣчь свою, поклонился и еле-живой возвратился на свое мѣсто. Мы, школьники, больше всѣхъ были рады, что онъ замолкъ: гости сидѣли, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слышать.

Смѣня, бодро выступилъ профессоръ политическихъ наукъ, А. И. Куницынъ — и началъ не читать, а говорить объ обязанностяхъ гражданина и воина. Публика, при появленіи новаго оратора, подъ вліяніемъ предшествовавшаго впечатлѣнія, видимо пугалась и вооружалась терпѣніемъ: но по мѣрѣ того, какъ раздавался его чистый, звучный и внятный голосъ, всѣ оживлялись, и къ концу его замѣчательной рѣчи, слушатели уже были не опрокинуты къ спинкамъ креселъ, а въ наклоненномъ положеніи къ говорившему, — вѣрный знакъ общаго вниманія и одобренія! Въ продолженіе всей рѣчи, ни разу не было упомянуто о Государѣ: это небывалое дѣло такъ поразило и такъ понравилось Императору Александру, что онъ тотчасъ прислалъ Куницыну Владимірскій крестъ, — награда, лестная для молодаго человѣка, только что возвратившагося, передъ открытіемъ лицея, изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ по окончаніи курса въ педагогическомъ институтѣ, и назначеннаго въ лицей на политическую каѳедру. Куницынъ вполнѣ оправдалъ внима-

ніе Царя: онъ былъ одинъ между нашими профессорами, уродъ въ этой семьѣ.

«Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...»

(Пушкинъ. Годовщина 19 октября 1825 года).

Послѣ рѣчей, стали насъ вызывать по списку; каждый, выходя передъ столъ, кланялся Императору, который очень благосклонно вглядывался въ насъ и отвѣчалъ терпѣливо на неловкіе наши поклоны.

Когда кончилось представленіе виновниковъ торжества, Царь, какъ хозяинъ, отблагодарилъ всѣхъ, начиная съ министра, и пригласилъ Императрицъ осмотрѣть новое его заведеніе. За Царской фамиліей двинулась и публика. Насъ между тѣмъ повели въ столовую къ обѣду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрѣвъ заведеніе, гости лицея возвратились къ намъ въ столовую и застали насъ усердно трудящимися надъ супомъ съ пирожками. Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Императрица Марія Ѳеодоровна попробовала кушанье. Подошла къ К.....ву, оперлась сзади на его плечи, чтобъ онъ не приподнимался, и спросила его: «*Хорошъ* супъ?» — онъ, медвѣженкомъ, отвѣчалъ: Oui, Monsieur! — Сконфузился ли онъ и не узналъ, кто его спрашиваетъ, или по какой другой причинѣ, — только все это вмѣстѣ почему-то побудило его откликнуться на французскомъ языкѣ и въ мужескомъ родѣ. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не дѣлая уже больше любезныхъ вопросовъ, а намъ К....въ тотчасъ же попалъ на зубокъ, и долго преслѣдовала его кличка: Monsieur. Императрица Елизавета Алексѣевна тогда же насъ, юныхъ, плѣнила непринужденной своей привѣтливостью ко всѣмъ, — она какъ-то умѣла и успѣла каждому изъ профессоровъ сказать пріятное слово. Тутъ, можетъ-быть, зародилась у Пушкина мысль стиховъ къ ней.

«На лирѣ скромной, благородной» и проч.

(Изд. Анненкова, т. VII, стр. 25. — Г. Анненковъ напрасно относитъ эти стихи къ 1819 году; они написаны въ лицеѣ 1816).

Великій Князь Константинъ Павловичъ... шутилъ и смѣялся у окна съ Великою Княжною Анной Павловной; потомъ подвелъ ее къ Г....ву, своему крестнику, и стиснувши ему двумя пальцами обѣ щеки, а третьимъ вздернувши носъ, сказалъ ей: «Рекомендую тебѣ эту маску. Смотри, Костя, учись хорошенько!»

Пока мы обѣдали, — и Царская фамилія удалилась, и публика разошлась. У графа Разумовскаго былъ обѣдъ для сановниковъ; а педагогію петербургскую и нашу лицейскую угощалъ директоръ въ одной изъ классныхъ залъ.

Все кончилось уже при лампахъ. Водворилась тишина.

«Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ:
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ, —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ!
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе кудабъ ни повело,
Всѣ тѣ же мы; намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

(Пушкинъ. Годовщина 19 октября 1825 года).

Дельвигъ, въ прощальной пѣсни 1817 года, за насъ всѣхъ вспоминаетъ этотъ день:

«Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ святомъ уединеньи
На службу музамъ посвятилъ».

Вечеромъ насъ угощали десертомъ à discrétion, вмѣсто казеннаго ужина. Кругомъ лицея поставлены были плошки, а на балконѣ горѣлъ щитъ съ вензелемъ Императора.

Сбросивъ парадную одежду, мы играли передъ лицеемъ въ снѣжки, при свѣтѣ иллюминаціи, и тѣмъ заключили свой праздникъ, не подозрѣвая тогда въ себѣ будущихъ «столповъ отечества», какъ величалъ насъ Куницынъ, обращаясь въ рѣчи къ намъ.—Какъ нарочно для насъ тотъ годъ рано стала зима. Всѣ посѣтители пріѣзжали изъ Петербурга въ саняхъ. Между ними былъ Е. А. Энгельгардтъ, тогдашній директоръ педагогическаго института. Онъ такъ былъ проникнутъ ощущеніями этого дня и въ особенности рѣчью Куницына, что въ тотъ же вечеръ, возвратясь домой, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, написалъ

синіе сертуки съ красными воротниками и брюки того же цвѣта: это бы ничего; но зато, по праздникамъ, мундиръ (синяго сукна съ краснымъ воротникомъ, шитымъ петлицами, серебрянными въ первомъ курсѣ, золотыми—во второмъ), бѣлые панталоны, бѣлый жилетъ, бѣлый галстукъ, ботфорты, треугольная шляпа—въ церковь и на гулянье. Въ этомъ нарядѣ оставались до обѣда. Ненужная эта форма — отпечатокъ того времени — постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, бѣлые панталоны и бѣлые жилеты замѣнены синими брюками съ жилетами того же цвѣта; фуражка вытѣснила совершенно шляпу, которая надѣвалась нами только, когда учились фронту въ гвардейскомъ образцовомъ батальіонѣ.

Бѣлье содержалось въ порядкѣ особою кастелляншею; въ наше время была М-мъ Скалонъ. У каждаго была своя печатная мѣтка: нумеръ и фамилія. Бѣлье перемѣнялось на тѣлѣ два раза, а столовое и на постелѣ разъ въ недѣлю.

Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ (по праздникамъ изъ четырехъ). За ужиномъ подавалось два. Кушанье было хорошо, но это не мѣшало намъ иногда бросать пирожки Золотареву въ бакенбарды. При утреннемъ чаѣ — крупичатая бѣлая булка, за вечернимъ—полбулки. Въ столовой, по понедѣльникамъ, выставлялась программа кушаній на всю недѣлю. Тутъ совершалась мѣна порціями по вкусу.

Сначала давали по полустакану портеру за обѣдомъ. Потомъ эта англійская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественнымъ квасомъ и чистою водой.

При насъ было нѣсколько дядекъ: они завѣдывали чисткой платья, сапогъ и прибирали въ комнатахъ. Между ними замѣчательны были Прокофьевъ, Екатерининскій сержантъ, и польскій шляхтичъ Леонтій Кемерскій, сдѣлавшійся нашимъ домашнимъ restaurant. У него явился уголокъ, гдѣ можно было найдти конфеты, выпить чашку кофе и шоколаду (даже рюмку ликеру, разумѣется, контрабандой). Онъ иногда, по заказу именинника, за общимъ столомъ, вмѣсто казеннаго чая ставилъ сюрпризомъ кофе утромъ или шоколадъ вечеромъ, со столбушками сухарей. Былъ и молодой Сазоновъ,— необыкновенное явленіе физіологическое. Галль нашелъ бы несомнѣнно подтверженіе своей системы въ его черепѣ.

«Сазоновъ былъ моимъ слугою
И П..... докторомъ моимъ».

(Стихъ Пушкина). Слишкомъ долго расказывать преступленія этого парня; оно же и нейдетъ къ дѣлу.

—

Жизнь наша лицейская сливается съ поэтическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея; мы всегда были тутъ, при ихъ появленіи; выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвой, обнимались съ родными и знакомыми,—усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита.

«Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями летѣлъ...
(Пушкинъ. Изд. Анненкова, т. II, стр. 77)

Такъ вспоминалъ Пушкинъ это время въ 1815 году, въ стихахъ на возвращеніе Императора изъ Парижа.

Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье ктонибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ грамогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы, при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное.

Такимъ образомъ мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья; въ этой семьѣ — свои кружки; въ этихъ кружкахъ начали обозначаться, больше или меньше, личности каждаго; близко узнали мы другъ друга, никогда не разлучаясь, — тутъ образовались связи на всю жизнь.

Пушкинъ, съ самаго начала, былъ раздражительнѣе многихъ и потому не возбуждалъ общей симпатіи: это удѣлъ эксцентрическаго существа среди людей. Не то, чтобы онъ разыгрывалъ

какую-нибудь роль между нами или поражалъ какими-нибудь особенными странностями, какъ это было въ иныхъ; но иногда неумѣстными шутками, неловкими колкостями, самъ ставилъ себя въ затруднительное положеніе, не умѣя потомъ изъ него выйдти. Это вело его къ новымъ промахамъ, которые никогда не ускользаютъ въ школьныхъ сношеніяхъ. Я, какъ сосѣдъ (съ другой стороны его нумера была глухая стѣна), часто, когда всѣ уже засыпали, толковалъ съ нимъ въ полголоса, черезъ перегородку, о какомъ-нибудь вздорномъ случаѣ того дня; тутъ я видѣлъ ясно, что онъ, по щекотливости, всякому вздору приписывалъ какую-то важность, и это его волновало. Вмѣстѣ мы, какъ умѣли, сглаживали нѣкоторыя шероховатости, — хотя не всегда это удавалось. Въ немъ была смѣсь излишней смѣлости съ застѣнчивостью, и то и другое не впопадъ, что̀ тѣмъ самымъ ему вредило. — Бывало, вмѣстѣ промахнемся, — самъ вывернешься, а онъ никакъ не сумѣетъ этого уладить. Главное, ему недоставало того, что называется *тактомъ*, — это капиталъ, необходимый въ товарищескомъ быту, гдѣ мудрено, почти невозможно, при совершенно безцеремонномъ обращеніи, уберечься отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній вседневной жизни. Все это вмѣстѣ было причиной, что вообще не вдругъ отозвались ему на его привязанность къ лицейскому кружку, которая съ первой поры зародилась въ немъ, не проявляясь впрочемъ свойственною ей иногда пошлостью. Чтобъ полюбить его настоящимъ образомъ, надо было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ. Между нами это какъ-то скоро и незамѣтно устроилось. Вотъ почему, можетъ-быть, Пушкинъ говорилъ впослѣдствіи:

«Товарищъ милый, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,

Но чашу дружества нальемъ,
И тотчасъ помиримся.
(Изд. Анн. Т. II, стр. 19).

Потомъ опять въ 1817 году, въ альбомѣ, передъ самымъ выпускомъ, онъ же сказалъ мнѣ:

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!
(Изд. Аннен. Т. II, стр. 170).

—

Лицейское наше шестилѣтіе, въ историко-хронологическомъ отношеніи, можно разграничить тремя эпохами, рѣзко между собою отдѣляющимися: директорствомъ Малиновскаго, междуцарствіемъ (то-есть управленіемъ профессоровъ: ихъ смѣняли послѣ каждаго ненормальнаго событія), и директорствомъ Энгельгардта.

Не пугайтесь! я не поведу васъ этой длинной дорогой, — она васъ утомитъ. Не станемъ дѣлать изысканій; всѣ подробности вседневной нашей жизни, близкой намъ и памятной, должны остаться достояніемъ нашимъ: насъ, ветерановъ лицея, уже немного осталось, но мы и теперь молодѣемъ, когда, собравшись, заглядываемъ въ эту даль. Довольно, если припомню кой-что, гдѣ мелькаетъ Пушкинъ въ разныхъ проявленіяхъ.

При самомъ началѣ — онъ нашъ поэтъ; какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ:

«Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами».—Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812-го. Упоминаю объ этомъ потому, что ни Бартеневъ, ни Анненковъ ничего объ этомъ не упоминаютъ.

Пушкинъ потомъ постоянно и дѣятельно участвовалъ во всѣхъ лицейскихъ журналахъ, импровизировалъ такъ-называемыя народныя наши пѣсни, точилъ на всѣхъ эпиграммы, и проч. Естественно, онъ былъ во главѣ литературнаго движенія, сначала въ стѣнахъ лицея, потомъ и внѣ его, въ нѣкоторыхъ современныхъ московскихъ изданіяхъ. Все это обслѣдовано почтеннымъ издателемъ его сочиненій П. В. Анненковымъ, который запечатлѣлъ свой трудъ необыкновенною изыскательностью, полнымъ знаніемъ дѣла и горячею любовью къ Пушкину — поэту и человѣку *.

—

Сегодня раскажу вамъ исторію гогель-могеля, которая сохранилась въ лѣтописяхъ лицея. Шалость приняла серьёзный характеръ и могла имѣть пагубное вліяніе и на Пушкина, и на меня, какъ вы сами увидите.

Мы, то-есть я, М....кій и Пушкинъ затѣяли выпить гогель-могелю. Я досталъ бутылку рому, добыли яицъ, натолкли сахару, и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется,

* Изъ уваженія къ истинѣ я долженъ кстати замѣтить, что г. Анненковъ приписываетъ Пушкину мою прозу (Т. II, стр. 29. VI). Я говорю про статью «Объ эпиграммѣ и надписи у Древнихъ». Статью эту я перевелъ изъ Ла-Гарпа и просилъ Пушкина перевести для меня стихи, которые въ ней приведены. Все это, за подписью в—в, отправилъ я къ Вл. Измайлову, тогдашнему издателю «Вѣстника Европы». Потомъ къ нему же послалъ другой переводъ, изъ Лафатера: «О путешественникахъ». Обѣ эти статьи были напечатаны. Письма мои передавались на почту изъ нашего дома въ Петербургѣ; я просилъ туда же и адресоваться ко мнѣ, въ случаѣ надобности. Измайловъ дотого былъ въ заблужденіи, что, благодаря меня за переводы, просилъ сообщать ему, для его журнала, извѣстія о петербургскомъ театрѣ: онъ былъ увѣренъ, что я живу въ Петербургѣ и непремѣнно театралъ, между тѣмъ какъ я сидѣлъ еще на лицейской скамьѣ. Тетради барона М. К. ввели г. Анненкова въ ошибку, для меня очень лестную, еслибы меня тревожило авторское самолюбіе.

Примѣч. автора.

кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой вечерней пирушкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Т....въ, въ которомъ черезчуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, что дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню. Сказалъ инспектору. Тотъ, послѣ ужина, всмотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что-то взвинченное. Тутъ же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дѣло и что мы одни виноваты.

Исправлявшій тогда должность директора, профессоръ Г.....дъ, донесъ министру. Графъ Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этимъ не кончилось, — дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее:

1) Двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы;

2) Смѣстить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по поведенію, и

3) Занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ черную книгу, которая должна была имѣть вліяніе при выпускѣ.

Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквально.

Второй смягчался по усмотрѣнію начальства: насъ, по истеченіи нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ.

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

На этомъ концѣ раздавалось кушанье дежурнымъ гувернеромъ.

Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдствій. Когда при разсужденіяхъ конференціи о выпускѣ, представлена была директору Энгельгардту черная эта книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ сочленамъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ.

Гогель-могель — ключъ къ посланію Пушкина ко мнѣ.

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Какъ укрывшись молчаливо
Въ нашемъ тѣсномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вдругъ педанта гласъ ужасный
Намъ послышался вдали:
И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо;
Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривый,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный тусклый взоръ
Измѣняли (то-есть выдавали) часъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ!
О, друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ,
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ.

(Изд. Анненкова, т II, стр. 217)

По случаю гогель-могеля, Пушкинъ, въ подражаніе стихамъ И. И. Дмитріева:

Мы недавно, отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и проч.

сказалъ:

«Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, Баронъ
По бокалу осушали,
И Ѳому прогнали вонъ».

Остальныхъ строфъ не помню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ. Ѳома былъ дядька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что пѣсню поетъ М...кій, но его фамилій не вломаешь въ стихъ. Баронъ, для риѳмы, означаетъ Дельвига.

Были и карикатуры, на которыхъ изъ-подъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

Вообще это пустое событіе (которымъ, разумѣется, нельзя было похвастать) надѣлало тогда много шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться дамашнимъ порядкомъ, еслибы Г.....дъ и инспекторъ Ф....въ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру.

—

Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библіотекѣ, у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной; въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни, я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ, о чемъ такъ спорятъ, идя отъ молитвы? Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, всмотрѣлся однако въ указанную мною чету и на другой день встрѣтилъ меня стихами:

Отъ всенощной, вечеръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась.
Постой, кричитъ, управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ, и проч.

«Вотъ что ты заставилъ меня написать, любезный другъ», сказалъ онъ, видя что я нѣсколько призадумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ поразило меня окончаніе. Въ эту минуту

подошелъ къ намъ Кайдановъ, — мы собирались въ его классъ. Пушкинъ и ему прочелъ свой (не совсѣмъ пристойный) расказъ.

Кайдановъ взялъ его за ухо и тихонько сказалъ ему: «Не совѣтую вамъ, Пушкинъ, заниматься такой поэзіей, особенно кому-нибудь сообщать ее. — И вы, Пущинъ, не давайте волю язычку, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ». — Хорошо, что на этотъ разъ подвернулся намъ добрый Иванъ Кузьмичъ, а не другой кто-нибудь.

Впрочемъ надобно сказать, что всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ К....въ къ доскѣ и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. К....въ спросилъ его, наконецъ, чтожь вышло? чему равняется иксъ? Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: нулю! — «Хорошо! у васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ, все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». — Спасибо и К....ву, что онъ, изъ математическаго фанатизма, не велъ войны съ его поэзіей. — Пушкинъ охотнѣе всѣхъ другихъ классовъ занимался въ классѣ Куницына, и то совершенно по-своему: уроковъ никогда не повторялъ, мало что записывалъ, а чтобъ переписывать тетради профессоровъ (печатныхъ руководствъ тогда еще не существовало), у него и въ обычаѣ не было—все дѣлалось à livre ouvert.

На публичномъ нашемъ экзаменѣ, Державинъ, державнымъ своимъ благословеніемъ, увѣнчалъ юнаго поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (изд. Анненк. Т. II, стр. 81). Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все, живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Пока я слушалъ знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, — его ужь не было: онъ убѣжалъ!... Все это уже расказано въ печати.

—

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты риѳмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать, и проч.
(Из. Анненк. Т. II, стр. 213).

Стихи эти написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣютъ свой особый интересъ. К....ковъ положилъ ихъ на музыку, — и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства.

«Красавицѣ, которая нюхала табакъ» (Изд. Анненк. Т. II, стр. 17), писано къ сестрѣ Г......ва, княгинѣ А. М. К.......ной. Вѣроятно, она и не знала и не читала этихъ стиховъ, — плодъ разгоряченнаго, молодаго воображенія.

Къ живописцу.

Дитя харитъ, воображенье!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья,
Мнѣ друга сердца напиши, и проч.
(Изд. Анненк. Т. II, стр. 69).

Пушкинъ проситъ живописца написать портретъ В. П. Б.....ной, сестры нашего товарища. Эти стихи — выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка!...

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкинъ читалъ намъ своихъ «Пирующихъ студентовъ». Онъ былъ въ лазаретѣ, и пригласилъ насъ прослушать эту піэсу. Послѣ вечерняго чая, мы пошли къ нему гурьбой съ гувернеромъ Чириковымъ.

Началось чтеніе:

Друзья! досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ, и проч.

Вниманіе общее, — тишина глубокая по временамъ только прерывается восклицаніями. К.....ръ просилъ не мѣшать, — онъ былъ весь тутъ, въ полномъ упоеніи... Доходитъ дѣло до послѣдней строфы. Мы слышимъ:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:

Вильгельмъ! прочти свои стихи, —
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе.

При этомъ возгласѣ, публика забываетъ поэта, стихи его, бросается на бѣднаго метромана, который, растаявши подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, приходитъ въ совершенное одурѣніе отъ неожиданной эпиграммы и нашего дикаго натиска. — Добрая душа былъ этотъ К...! Опомнившись, проситъ онъ Пушкина еще разъ прочесть; потому что и тогда уже плохо слышалъ однимъ ухомъ, испорченнымъ золотухой.

Посланіе ко мнѣ:

Любезный именинникъ, и проч.

не требуетъ поясненій. Оно выражаетъ то же чувство, которое отрадно проявляется въ многихъ другихъ стихахъ Пушкина. Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ, хотя въ иныхъ случаяхъ и разно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи. Кстати тутъ раскажу довольно оригинальное событіе, по случаю котораго пришлось мнѣ много спорить съ нимъ за Энгельгардта.

У дворцовой гауптвахты, передъ вечерней зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявшихъ въ саду, разумѣется и насъ—l'inévitable Lycée, какъ называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили къ музыкѣ дворцовымъ корридоромъ, въ который, между другими помѣщеніями, былъ выходъ и изъ комнатъ, занимаемыхъ фрейлинами Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Этихъ фрейлинъ было тогда три: П......ва, В....ва и кн. В.......ая. У В.....ой была премиленькая горничная, Наташа. Случалось, встрѣтясь съ нею въ темныхъ переходахъ корридора, и полюбезничать; она многихъ изъ насъ знала, да и кто не зналъ лицея, который мозолилъ глаза всѣмъ въ саду. Однажды идемъ мы, растянувшись по этому корридору маленькими группами. Пушкинъ на бѣду былъ одинъ, — слышитъ въ темнотѣ шорохъ платья, воображаетъ, что непремѣнно Наташа, бросается поцѣловать ее самымъ невиннымъ образомъ. Какъ нарочно, въ эту минуту, отворяется дверь изъ комнаты и освѣщаетъ сцену: передъ нимъ

сама кн. В..... Что́ дѣлать ему? — Бѣжать безъ оглядки; но этого мало, надобно поправить дѣло, а дѣло неладно. Онъ тотчасъ расказалъ мнѣ про это, присоединясь къ намъ, стоявшимъ у оркестра. Я ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкинъ никакъ не соглашался довѣриться директору и хотѣлъ написать княжнѣ извинительное письмо. Между тѣмъ она успѣла пожаловаться брату своему, а тотъ Государю.

Государь на другой день приходитъ къ Энгельгардту. — «Чтожь это будетъ? говоритъ Царь: твои воспитанники не только снимаютъ черезъ заборъ мои наливныя яблоки, бьютъ сторожей садовника Лямина *, но теперь ужь не даю́тъ проходу фрейлинамъ жены моей».

Энгельгардтъ, своимъ путемъ, уже зналъ о неловкой выходкѣ Пушкина, можетъ-быть и отъ самого кн. П. М., который могъ сообщить ему это въ тотъ же вечеръ. Онъ нашелся и отвѣчалъ Императору Александру: «Вы меня предупредили, Государь: я искалъ случая принести Вашему Величеству повинную за Пушкина; онъ, бѣдный, въ отчаяніи; приходилъ за моимъ позволеніемъ письменно просить княжну, чтобъ она великодушно простила ему это неумышленное оскорбленіе». Энгельгардтъ расказалъ подробности дѣла, стараясь всячески смягчить вину Пушкина и присовокупилъ, что сдѣлалъ уже ему строгій выговоръ и проситъ разрѣшенія насчетъ письма. На это ходатайство Энгельгардта, Государь сказалъ: «Пусть пишетъ, — ужь такъ и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтобъ это было въ послѣдній разъ. La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit, шепнулъ Императоръ улыбаясь Энгельгардту, пожалъ ему руку и пошелъ догонять Императрицу, которую изъ окна увидѣлъ въ саду.

Такимъ образомъ, дѣло кончилось необыкновенно хорошо. Мы всѣ были рады такой развязкѣ, жалѣя Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый изъ насъ легко могъ попасть въ та-

---

* Точно, была такого рода экспедиція, гдѣ дѣйствовалъ на первомъ планѣ графъ Сильвестръ Броліо, сдѣлавшійся потомъ филелленомъ и убитый въ Греціи въ 1829 году.

кую бѣду. Я, съ своей стороны, старался доказать ему, что Энгельгардтъ тутъ дѣйствовалъ отлично; онъ никакъ не сознавалъ этого, все увѣрялъ меня, что Энгельгардтъ, защищая его, самъ себя защищалъ. Много мы спорили. Для меня осталось неразрѣшенною загадкой, почему всѣ вниманія директора и жены его отвергались Пушкинымъ: онъ никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, избѣгая всякаго сближенія съ нимъ. Эта несправедливость Пушкина къ Энгельгардту, котораго я душой полюбилъ, сильно меня волновала. Тутъ крылось что-нибудь, чего онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ сказать; наконецъ я пересталъ и настаивать, предоставя все времени. Оно одно можетъ вразумить въ такомъ непонятномъ упорствѣ.

—

Невозможно передать вамъ всѣхъ подробностей нашего шестилѣтняго существованія въ Царскомъ Селѣ: это было бы слишкомъ сложно и громоздко,—тутъ смѣсь и дѣльнаго и пустаго. Между тѣмъ вся эта пестрота имѣла для насъ свое очарованіе. Съ назначеніемъ Энгельгардта въ директоры, школьный нашъ бытъ принялъ иной характеръ: онъ съ любовью принялся за дѣло. При немъ, по вечерамъ устроились чтенія въ залѣ (Энгельгардтъ отлично читалъ). Въ домѣ его мы знакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога лицея,—находили пріятное женское общество. Лѣтомъ, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя, прогулки по окрестностямъ; зимой, для развлеченія, ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ, завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, катались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть и пріучало насъ къ приличію въ обращеніи. Однимъ словомъ, директоръ нашъ понималъ, что запрещенный плодъ — опасная приманка, и что свобода, руководимая опытной дружбой, удерживаетъ юношу отъ многихъ ошибокъ. Отъ сближенія нашего съ женскимъ обществомъ, зараждался платонизмъ въ чувствахъ: этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій.

Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадался въ эту категорію.

Такъ точно, когда я, передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ, онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати:

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ—
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлечима!

Я нечаянно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и узналъ исковерканный его почеркъ. Пушкинъ не сознавался съ этомъ экспромтѣ.

—

Слишкомъ за годъ до выпуска, Государь спросилъ Энгельгардта: есть ли между нами желающіе въ военную службу?— онъ отвѣчалъ, что чуть ли не болѣе десяти человѣкъ этого желаютъ (и Пушкинъ тогда колебался, но родные его были противъ, опасаясь за его здоровье). Государь на это сказалъ: «Въ такомъ случаѣ надо бы познакомить ихъ съ фронтомъ». Энгельгардтъ испугался и напрямикъ просилъ дозволенія оставить лицей, если въ немъ будетъ введено ружье. Къ этой просьбѣ присовокупилъ, что онъ никогда не носилъ никакого оружія, кромѣ того, которое у него всегда въ карманѣ, и показалъ садовый ножикъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Государь кончилъ тѣмъ, что его не переспоришь. Велѣлъ спросить всѣхъ и, для желающихъ быть военными, учредить особый классъ военныхъ наукъ. Вслѣдствіе этого приказанія поступилъ къ намъ инженерный полковникъ Эльснеръ, бывшій адъютантъ Костюшки, преподавателемъ артиллеріи, фортификаціи и тактики......

Мы стали ходить два раза въ недѣлю въ гусарскій манежъ, гдѣ, на лошадяхъ запаснаго эскадрона, учились у полковника Кнабенау, подъ главнымъ руководствомъ генерала Левашева, который и прежде того, видя насъ часто въ галлереѣ манежа, во время верховой ѣзды своихъ гусаръ, обращался къ намъ съ привѣтомъ и вопросомъ: когда мы начнемъ учиться ѣздить? Онъ даже попалъ по этому случаю въ куплеты нашей лицейской пѣсни......

Вотъ вамъ выдержки изъ хроники нашей юности. Удоволь-

ствуйтесь ими! можетъ-быть, когда-нибудь, появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ, своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ; большая часть изъ нихъ уже исчезла, но оставила отрадное памятованіе въ сердцахъ не однихъ своихъ товарищей.

—

Въ маѣ начались выпускные, публичные экзамены. Тутъ мы уже начали готовиться къ выходу изъ лицея. Разлука съ товарищеской семьей была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, съ заманчивой, незнакомой далью. Кто не спѣшилъ, въ тогдашніе наши годы, соскочить съ школьной скамьи? но наша скамья была такъ завѣтно-привѣтлива, что невольно, даже при мысли о наступающей свободѣ, оглядывались мы на нее. Время проходило въ мечтахъ, прощаньяхъ и обѣтахъ—сердце дробилось!

Судьба на вѣчную разлуку
Быть-можетъ породнила насъ!
(Прощальная пѣснь Дельвига.)

Наполнились альбомы и стихами, и прозой. Въ моемъ остались стихи Пушкина. Они уже приведены мной вполнѣ.

Дельвига:

Прочтя сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узнать поэта по рукѣ?
Какъ первые не вспомянуть уроки—
И не сказать при дружескомъ столѣ:
Друзья! у насъ есть другъ и въ Хоролѣ!

Дельвигъ, послѣ выпуска, поѣхалъ въ Хороль, гдѣ квартировалъ отецъ его, командовавшій бригадой во внутренней стражѣ.

Илличевскаго стиховъ не могу припомнить, знаю только, что они всѣ кончались риѳмой на Пущинъ. Это было очень оригинально.

Къ прискорбію моему, этотъ альбомъ, исписанный и изрисованный, утратился изъ допотопнаго моего портфеля, который дивнымъ образомъ возвратился ко мнѣ, черезъ 32 года, со всѣми положенными въ него рукописями.

—

9 іюня былъ актъ. Характеръ его былъ совершенно иной: какъ открытіе лицея было пышно и торжественно, такъ выпускъ нашъ тихъ и скроменъ.—Въ ту же залу пришелъ Императоръ Александръ,въ сопровожденіи одного тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, кн. Голицына. Государь не взялъ даже съ собой кн. П. М. В. который, какъ всѣ говорили, желалъ быть на актѣ.

Въ залѣ были мы всѣ съ директоромъ, профессорами, инспекторомъ и гувернеромъ.—Энгельгардтъ прочелъ коротенькій отчетъ за весь шести-лѣтній курсъ; послѣ него конференцъ-секретарь Куницынъ возгласилъ Высочайше утвержденное постановленіе конференціи о выпускѣ. Вслѣдъ за этимъ всѣхъ насъ, по старшинству выпуска, представляли Императору, съ объявленіемъ чиновъ и наградъ. Государь заключилъ актъ краткимъ отеческимъ наставленіемъ воспитанникамъ и изъявленіемъ благодарности директору и всему штату лицея. Тутъ пропѣта была, нашимъ хоромъ, лицейская прощальная пѣснь: слова Дельвига, музыка Теппера, который самъ дирижировалъ хоромъ. Государь и его не забылъ при общихъ наградахъ. Онъ былъ тронутъ и поэзіей, и музыкой. Понялъ слезу на глазахъ воспитанниковъ и наставниковъ. Простился съ нами съ обычною привѣтливостью и пошелъ во внутреннія комнаты, взявъ кн. Голицына подъ руку. Энгельгардтъ предупредилъ его, что вездѣ безпорядокъ, по случаю сборовъ къ отъѣзду. «Это ничего, возразилъ Царь, я сегодня не въ гостяхъ у тебя. Какъ хозяинъ, хочу посмотрѣть на сборы нашихъ молодыхъ людей». И точно, въ дортуарахъ все было вверхъ дномъ, вездѣ валялись вещи, чемоданы, ящики,—пахло отъѣздомъ!—При выходѣ изъ лицея Государь признательно пожалъ руку Энгельгардту.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, начали разъѣзжаться: прощаньямъ не было конца. Я, больной, дольше всѣхъ оставался въ лицеѣ. Съ Пушкинымъ мы тутъ же обнялись на разлуку: онъ тотчасъ долженъ былъ ѣхать въ деревню къ роднымъ; я ужь не засталъ его, когда пріѣхалъ въ Петербургъ.

Снова встрѣтился съ нимъ осенью, уже въ гвардейскомъ конно-артиллерійскомъ мундирѣ. Мы шестеро учились фронту въ гвардейскомъ образцовомъ батальіонѣ; послѣ экзамена, сдѣланнаго намъ К.....лемъ въ этой наукѣ, произведены были въ офи-

церы Высочайшими приказами 29 октября. Между тѣмъ какъ товарищи наши, поступившіе въ гражданскую службу, въ іюнѣ же получили назначеніе: въ томъ числѣ Пушкинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и тотчасъ взялъ отпускъ для свиданія съ родными.

(Авторъ расказываетъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ еще въ бытность свою въ лицеѣ онъ случайно вступилъ въ особенный кружокъ, съ которымъ никакъ не рѣшался сблизить Пушкина, боясь неосторожныхъ выходокъ его и подвижности пылкаго его нрава. Пушкинъ замѣтилъ, что отъ него что-то скрываютъ и не разъ затруднялъ автора спросами и распросами.)

Пушкинъ, говоритъ онъ далѣе, либеральный по своимъ возрѣніямъ, ...часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ напримѣръ, вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыбкой выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ,—онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія.» Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что́ обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется. Потомъ, смотришь,—Пушкинъ опять съ тогдашними львами! (Извините! анахронизмъ: тогда не существовало еще этого аристократическаго прозвища).—Странное смѣшеніе въ этомъ великолѣпномъ созданіи! Никогда не переставалъ я любить его; знаю, что и онъ платилъ мнѣ тѣмъ же чувствомъ; но невольно, изъ дружбы къ нему желалось, чтобы онъ наконецъ настоящимъ образомъ взглянулъ на себя и понялъ свое призваніе. Видно впрочемъ, что не должно и не могло быть иначе,—видно, нужна была и эта разработка, коловшая намъ слѣпымъ глаза.

Не заключайте, пожалуйста, изъ этого ворчанья, чтобы я когда-нибудь былъ Спартанцемъ, какимъ-нибудь Катономъ, — далеко отъ всего этого: я всегда шалилъ, дурилъ и кутилъ съ добрымъ товарищемъ. Пушкинъ самъ увѣковѣчилъ это стихами ко мнѣ; но при всей моей готовности къ разгулу съ нимъ, хотѣлось, чтобъ онъ не переступалъ нѣкоторыхъ границъ и не профанировалъ себя, если можно такъ выразиться, сближені-

емъ съ людьми, которые, по ихъ положенію въ свѣтѣ, могли, волей и неволей, набрасывать на него нѣкотораго рода тѣнь.

Между нами было и не безъ шалостей. Случалось, зайдетъ онъ ко мнѣ. Вмѣсто: «здравствуй», я его спрашиваю: «отъ нея ко мнѣ, или отъ меня къ ней?» — Ужь это надо вамъ объяснить, если пустился болтать. Въ моемъ сосѣдствѣ, на Мойкѣ, жила Анжелика — прелесть-Полька!

На прочее завѣса! *(Стихъ Пушкина.)*

Возвратясь однажды съ ученья, я нахожу на письменномъ столѣ развернутый большой листъ бумаги. На этомъ листѣ нарисована перомъ знакомая мнѣ комната, трюмо, двѣ кушетки. На одной изъ кушетокъ сидитъ развалившись претолстая женщина, почти портретъ безобразной тетки нашей Анжелики. У ногъ ея—стриксъ, маленькая несносная собаченка. Подписано. «отъ нея ко мнѣ, или отъ меня къ ней?» — Не нужно было спрашивать, кто приходилъ. Кромѣ того я понялъ, что Пушкинъ этотъ разъ и ее не засталъ дома. Очень жаль, что этотъ смѣло набросанный очеркъ не уцѣлѣлъ, какъ и нѣкоторыя другія мелочи. Онъ стоилъ того, чтобъ его литографировать.

—

....Кругъ знакомства нашего былъ совершенно розный. Пушкинъ кружился въ большомъ свѣтѣ, а я былъ какъ можно подальше отъ него. Лѣтомъ маневры и другія служебныя занятія увлекали меня изъ Петербурга. Все это однако не мѣшало намъ, при всякой возможности, встрѣчаться съ прежней дружбой и радоваться нашимъ встрѣчамъ у лицейской братіи, которой уже не много оставалось въ Петербургѣ; большею частью свиданія мои съ Пушкинымъ были у домосѣда Дельвига.

Въ январѣ 1820 года, я долженъ былъ ѣхать въ Бессарабію къ больной тогда, замужней сестрѣ моей. Проживъ въ Кишиневѣ и Аккерманѣ почти четыре мѣсяца, въ маѣ я возвращался съ нею, уже здоровою, въ Петербургъ. Бѣлорусскій трактъ ужасно скученъ. Не встрѣчая никого на станціяхъ, я обыкновенно заглядывалъ въ книгу для записыванія подорожныхъ и тамъ искалъ проѣзжихъ. Вижу разъ, что наканунѣ проѣхалъ Пушкинъ въ Екатеринославъ. Спрашиваю смотрителя, какой это Пушкинъ? Мнѣ и въ мысль не приходило, что это можетъ быть Александръ. —Смотритель говоритъ, что это поэтъ Алек-

сандръ Сергѣевичъ, ѣдетъ, кажется, на службу, на перекидной, въ красной русской рубашкѣ, въ опояскѣ, въ поярковой шляпѣ. (Время было ужасно жаркое). Я тутъ ровно ничего не понималъ; — живя въ Бессарабіи, никакихъ извѣстій о нашихъ лицейскихъ не имѣлъ. Это меня озадачило. Въ Могилевѣ, на станціи, встрѣчаю фельдъегеря, — разумѣется, тотчасъ спрашиваю его, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Пушкинѣ. Онъ ничего не могъ сообщить мнѣ объ немъ; а расказалъ только, что за нѣсколько дней до его выѣзда, сгорѣлъ въ Царскомъ Селѣ лицей, остались однѣ стѣны, и воспитанниковъ помѣстили во флигели. Все это вмѣстѣ заставило меня нетерпѣливо желать скорѣй добраться до столицы. Тамъ, послѣ служебныхъ формальностей,я пустился разузнавать объ Александрѣ. Узнаю, что въ одно прекрасное утро пригласилъ его полицеймейстеръ къ графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генералъ-губернатору. Когда привезли Пушкина, графъ Милорадовичъ приказываетъ полицеймейстеру ѣхать въ его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: «Графъ! вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что́ ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу». (Пушкинъ понялъ въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ. Ah! c'est chevaleresque! и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные свои стихи и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига, Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанья. Вотъ все, что́ я дозналъ въ Петербургѣ.

Ѣду потомъ въ Царское Село къ Энгельгардту, обращаюсь къ нему съ тѣмъ же тревожнымъ вопросомъ. Директоръ расказалъ мнѣ, что Государь (это было послѣ того, какъ Пушкина уже призывали къ Милорадовичу, чего Энгельгардтъ, до свиданія съ Царемъ, и не зналъ), встрѣтилъ его въ саду и пригласилъ съ нимъ пройдтись.

«Энгельгардтъ! сказалъ ему Государь, Пушкина надобно сослать..... онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный

его поступокъ съ Милорадовичемъ; но это не исправляетъ дѣла».

Директоръ на это отвѣтилъ: «Воля Вашего Величества, но Вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника; вь немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе Ваше, Государь, лучше вразумитъ его».

Не знаю, вслѣдствіе ли этого разговора, только Пушкинъ не былъ сосланъ, а командированъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ состоялъ на службѣ, къ генералу Инзову, начальнику колоній Южнаго Края. Проѣзжай Пушкинъ сутками позже, до поворота на Екатеринославъ, я встрѣтилъ бы его дорогой, и какъ отрадно было бы обнять его въ такую минуту! Видно намъ суждено было только одинъ разъ еще повидаться, и то непрежде 1825 года. Въ промежутокъ этихъ пяти лѣтъ, генерала Инзова назначили намѣстникомъ Бессарабіи; съ нимъ Пушкинъ переѣхалъ изъ Екатеринослава въ Кишиневъ, впослѣдствіи оттуда поступилъ въ Одессу къ графу Воронцову по особымъ порученіямъ. Я между тѣмъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сбросилъ конно-артиллерійскій мундиръ и преобразился въ судьи уголовнаго департамента московскаго надворнаго суда. Переходъ рѣзкій, имѣвшій впрочемъ тогда свое значеніе.

Князь Ю....., во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума» сказалъ: «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ»! видя на балѣ у московскаго генералъ-губернатора, князя Голицына, неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую публику), спрашиваетъ З....ва, кто этотъ молодой человѣкъ? З....въ называетъ меня и говоритъ, что я надворный судья.

«Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное».

Ю.... не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ, ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ.

Въ 1824 году, въ Москвѣ тотчасъ узналось, что Пушкинъ

изъ Одессы сосланъ на жительство въ псковскую деревню отца своего, подъ надзоръ мѣстной власти; надзоръ этотъ былъ порученъ П.....ву, тогдашнему предводителю дворянства Опочковскаго уѣзда. Всѣ мы, огорченные несомнѣннымъ этимъ извѣстіемъ,терялись въ предположеніяхъ....Потомъ, вскорѣ стали говорить, что Пушкинъ въ добавокъ отданъ подъ наблюденіе архимандрита Святогорскаго монастыря, въ 4-хъ верстахъ отъ Михайловскаго. Это дополнительное свѣдѣніе дѣлало намъ задачу еще сложнѣе, нисколько не разрѣшая ее.

Съ той минуты, какъ я узналъ, что Пушкинъ безвыѣздно въ деревнѣ, во мнѣ зародилась мысль непремѣнно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и въ Псковъ къ сестрѣ, Н...ой; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла, а оттуда — рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы, я подалъ въ отпускъ на 28 дней, въ Петербургскую и Псковскую губерніи.

Передъ отъѣздомъ, на вечерѣ у того же князя Голицына, встрѣтился я съ А. И. Т....мъ, который незадолго до того пріѣхалъ въ Москву. Я подсѣлъ къ нему и спрашиваю: не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь порученій къ Пушкину? потому что я въ январѣ буду у него.

—Какъ! вы хотите къ нему ѣхать? развѣ не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ, и политическимъ и духовнымъ.

—Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навѣстить друга, послѣ пятилѣтней разлуки, въ теперешнемъ его положеніи, особенно когда буду отъ него съ небольшимъ въ ста верстахъ. Если не пустятъ къ нему, уѣду назадъ.

—Не совѣтовалъ бы. Впрочемъ дѣлайте какъ знаете, прибавилъ Т.....

Опасенія добраго А. И. меня удивили, и оказалось что они были совершенно напрасны. Почти тѣ же предостереженія выслушалъ я отъ В. Л. Пушкина, къ которому заѣзжалъ проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазахъ, дядя просилъ расцѣловать его.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Проведя праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры нѣсколько дней, и

отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взялъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы наконецъ съ дороги въ сторону, мчались, среди лѣса, по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро! Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши, въ ухабѣ, такъ наклонились набокъ, что ямщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейскаго порога...... кой-какъ удержался въ саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистой тропой;—вдругъ крутой поворотъ, и какъ-будто неожиданно вломились смаху въ притворенные ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора.

Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, чтó тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охабку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8-ми часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ— почти голый, другой—весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ 33-ри года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю,за кого приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ.

Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, въ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами, и проч. и проч. Во

всемъ поэтическій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженые кусочки перьевъ (онъ всегда съ самаго лицея писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ корридора; противъ его двери — дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пяльцевъ.

Послѣ первыхъ нашихъ обниманій, пришелъ и Алексѣй, который, въ свою очередь, кинулся цѣловать Пушкина: онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизусть многіе изъ его стиховъ. Я между тѣмъ приглядывался, гдѣ бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренія комнаты была заперта, — домъ не топленъ. Кой-какъ все это тутъ же уладили, копошась среди отрывистыхъ вопросовъ: что? какъ? гдѣ? Вопросы большею частью не ожидали отвѣтовъ, наконецъ помаленьку прибрались. — Подали намъ кофей, — мы усѣлись съ трубками. Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически расказать, о многомъ расспросить другъ друга! Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьёзнѣе прежняго, сохраняя однакожь ту же веселость; можетъ-быть самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ какъ дитя былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась, — въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ. Наружно онъ мало перемѣнился, обросъ только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на тотъ портретъ, который потомъ видѣлъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и теперь при изданіи его сочиненій П. В. Анненковымъ.

Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню. (Здѣсь авторъ упоминаетъ о предположеніяхъ Пушкина на этотъ счетъ). Мнѣ показалось, что онъ вообще неохотно объ этомъ говорилъ, — я это заключилъ по лаконическимъ отрывистымъ его отвѣтамъ на нѣкоторые мои спросы; и потому я его просилъ оставить эту статью, тѣмъ болѣе, что всѣ наши толкованія ни къ чему не вели, а только отклоняли насъ отъ другой, близкой намъ, бесѣды. Замѣтно было,

что ему какъ-будто нѣсколько паскучила прежняя, шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся. Среди разговора, ex abrupto, онъ спросилъ меня: что̀ объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и Москвѣ?.... На это я ему отвѣтилъ.... что вообще читающая наша публика благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стихи его пріобрѣли народность во всей Россіи, и наконецъ, что близкіе и друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣй кончилось его изгнаніе.—Онъ терпѣливо выслушалъ меня и сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти четыре мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, въ началѣ очень для него тягостнымъ; что тутъ, хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненія; съ музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Скорбѣлъ только, что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что, съ другой стороны, ни какъ не согласится, чтобъ она, по привязанности къ нему, проскучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ Тригорскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился тѣмъ, что пріѣхалъ на такое короткое время, что не успѣю и на него самого наглядѣться. Среди всего этого, много было шутокъ, анекдотовъ, хохоту отъ полноты сердечной. Уцѣлѣли бы всѣ эти дорогія подробности, еслибы тогда при насъ былъ стенографъ.

Пушкинъ заставилъ меня расказать ему о всѣхъ нашихъ первокурсныхъ лицея; потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по̀ сердцу,—онъ гордился мною и за меня! Вотъ его строфы изъ годовщины 19 октября 1825 года, гдѣ онъ вспоминаетъ, сидя одинъ, наше свиданіе и мое судейство:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада.
. . . .
. . . . . Поэта домъ опальный,
О П* мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.
. . . .
Ты освятилъ тобой избранный санъ;

Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

—

(Пушкинъ въ теченіе разговора незамѣтно перешелъ-было къ своимъ подозрѣніямъ насчетъ тѣхъ связей автора, которыя послѣдній отъ него тщательно скрывалъ, и это немного взволновало поэта.)

Потомъ успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ я не заставляю тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ-быть ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стòю, по многимъ моимъ глупостямъ.»—Молча, я крѣпко расцѣловалъ его,—мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть. Вошли въ нянину комнату, гдѣ собрались уже *швеи*. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличавшуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ его положеніемъ: оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ,—и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ.—Впрочемъ онъ тотчасъ прозрѣлъ шаловливую мою мысль, — улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою очередь, моргнулъ ему,—и все было понятно безъ всякихъ словъ. Среди молодой своей команды, няня преважно разгуливала, съ чулкомъ въ рукахъ. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси. Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой,—начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующихъ друзей и за *нее*. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка; поподчивали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйской наливкой. Все домашнее населеніе нѣсколько развеселилось; кругомъ насъ стало пошумнѣе, праздновали наше свиданіе.

Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной, комедіей, до того ему вовсе почти незнакомой. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя, впрочемъ, потомъ частію явились въ печати.

Среди этого чтенія, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ-будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ четьиминею. Замѣтивъ его смущеніе и не доразумѣвая причины, я спросилъ его: что это значитъ? Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Я подошелъ подъ благословеніе. Пушкинъ тоже, прося его сѣсть. Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что можетъ-быть помѣшалъ намъ, потомъ сказалъ, что узнавши мою фамилію, ожидалъ найдти знакомаго ему П. С. Пущина, уроженца Великолуцкаго, котораго очень давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о моемъ пріѣздѣ. Хотя посѣщеніе его было вовсе не кстати, но я все-таки хотѣлъ faire bonne mine à mauvais jeu, и старался увѣрить его въ противномъ; объяснилъ ему, что я Пущинъ такой-то, лицейскій товарищъ хозяина, а что генералъ Пущинъ, его знакомый, командуетъ бригадой въ Кишиневѣ, гдѣ я въ 1820 году съ нимъ встрѣчался. Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Между тѣмъ подали чай. Пушкинъ спросилъ рому... Настоятель выпилъ два стакана чаю... и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что прервалъ нашу товарищескую бесѣду.

Я радъ былъ, что мы остались одни, но мнѣ неловко было за Пушкина: онъ какъ школьникъ присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Я ему высказалъ мою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Перестань, любезный другъ! вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ .....».

Тутъ Пушкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать комедію; я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выразительное и исполненное жизни чтеніе, довольный тѣмъ, что мнѣ удалось доставить ему такое высокое наслажденіе.

Потомъ онъ мнѣ прочелъ кой-что свое, большею частью въ отрывкахъ, которые впослѣдствіи вошли въ составъ замѣчательныхъ его піэсъ; продиктовалъ начало изъ поэмы «Цыганы»—для «Полярной звѣзды», и просилъ, обнявши крѣпко Р....., благодарить за его патріотическія Думы.

Время не стояло. Къ несчастію, вдругъ запахло угаромъ. У

меня собачье чутье, и голова моя не выноситъ угара. Тотчасъ же я отправился узнавать откуда эта бѣда, нежданная въ такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велѣла въ другихъ комнатахъ затопить печи, которыя съ самаго начала зимы не топились. Когда закрыли трубы, — хоть бѣги изъ дому! Я тотчасъ распорядился за беззаботнаго сына въ отцовскомъ домѣ: велѣвъ открыть трубы, заперъ на замо́къ дверь въ натопленныя комнаты, притворилъ и нашу дверь, а форточку открылъ. Все это непріятно на меня подѣйствовало, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Какъ, подумалъ я, хоть въ этомъ не успокоить его,— какъ не устроить такъ, чтобъ ему, бѣдному поэту, было гдѣ подвигаться въ зимнее ненастье. Въ залѣ былъ биліардъ; это могло бы служить для него развлеченьемъ. Въ порывѣ досады, я даже упрекнулъ няню, зачѣмъ она не велитъ отапливать всего дома. Видно однако, мое ворчанье имѣло нѣкоторое дѣйствіе, потому что послѣ моего посѣщенія перестали экономничать дровами. Г-нъ Анненковъ въ біографіи Пушкина говоритъ, что онъ иногда одинъ игралъ въ два шара на биліардѣ. Вѣдь не лѣтомъ же онъ этимъ забавлялся, находя приволье на Божьемъ воздухѣ, среди полей и лѣсовъ, которые любилъ съ дѣтства. Я не могъ познакомиться съ мѣстностью Михайловскаго, такъ живо имъ воспѣтой: она тогда была закутана снѣгомъ.

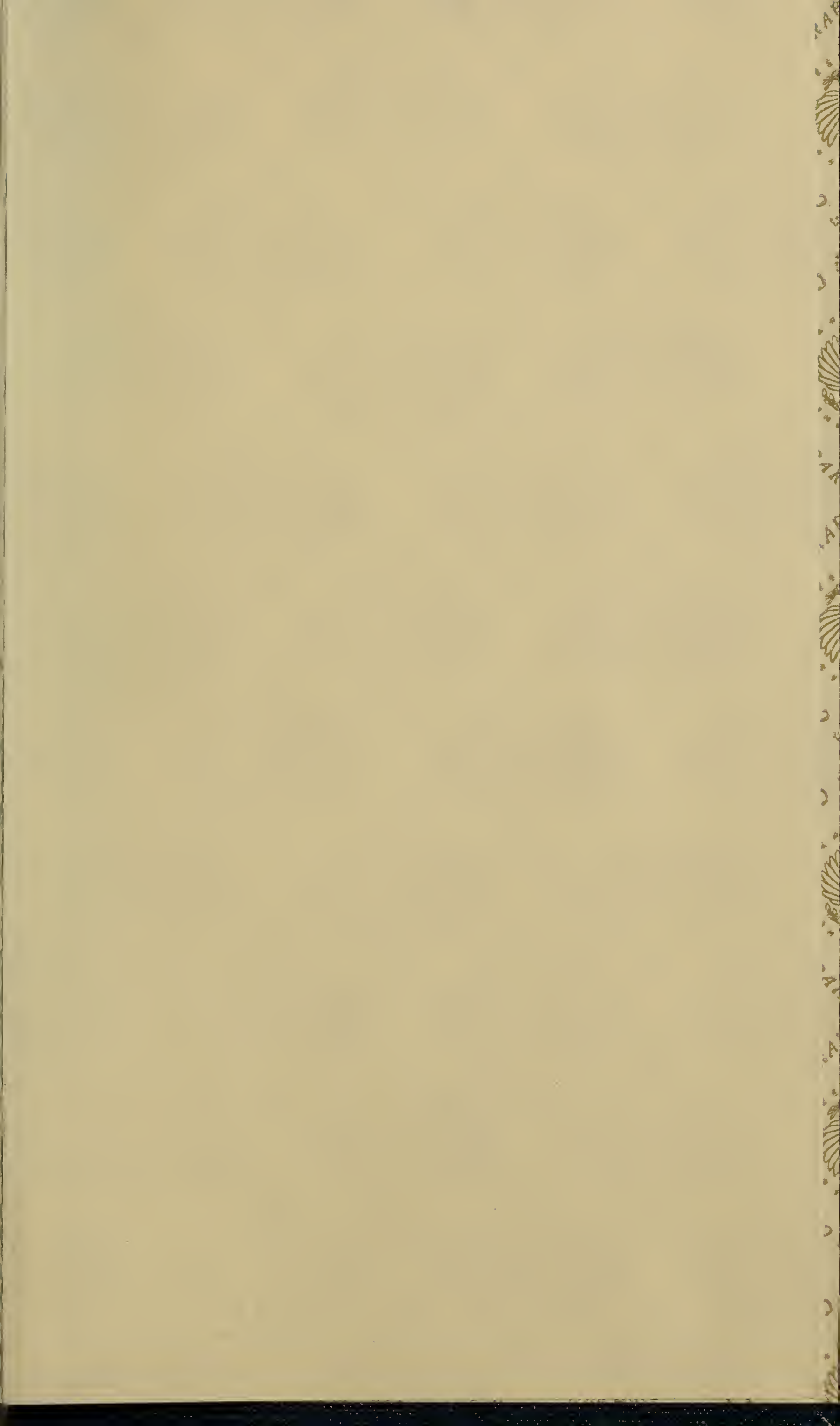
Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить, — на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись, въ надеждѣ, можетъ-быть, скоро свидѣться въ Москвѣ. Шаткая эта надежда облегчала разставанье, послѣ такъ отрадно промелькнувшаго дня. Ямщикъ уже запрягъ лошадей, колоколецъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило три. Мы еще чекнулись стаканами, но грустно пилось: какъ-будто чувствовалось, что въ послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: «Прощай, другъ!» Ворота скрыпнули за мной...

—

5 января 1828 года, въ самый день пріѣзда его въ Читу, автору былъ переданъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукой написано было:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный,
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

Псковъ. 13 декабря 1826 г.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

